

АНДРЕЙ ВОРОНИН

ИНСТРУКТОР

СНОВА В ДЕЛЕ

Инструктор

Андрей Воронин

Инструктор. Снова в деле

«ХАРВЕСТ»

2010

УДК 882(476)
ББК 84(4бей-Рус)

Воронин А. Н.

Инструктор. Снова в деле / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2010 — (Инструктор)

ISBN 978-985-16-7029-7

Уже ставший легендой бывший инструктор спецназа ГРУ Илларион Забродов продолжает борьбу за справедливость. Подойдя к краю теневого бизнеса, Забродов обнаруживает его щупальца прямо... в сердце Москвы.

УДК 882(476)
ББК 84(4бей-Рус)

ISBN 978-985-16-7029-7

© Воронин А. Н., 2010
© ХАРВЕСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Воронин
Инструктор. Снова в деле

© Харвест, 2010

Глава 1

На Льва Толстого, 21 сегодня было на удивление многолюдно. Редко бывали здесь толпы народу. Да и с чего бывать здесь толпам? Разве может толпа интересоваться творчеством великого русского писателя, трепетать при одной лишь мысли, что она удостоена чести проникнуть в святая святых, дом, где творил и жил гений русской литературы? Нет, это было бы что-то из разряда фантастики.

Но сегодня здесь царило ужасающее столпотворение, как будто за день до того музей-усадьба «Хамовники» был признан восьмым чудом света. Только если бы это было правдой, здесь можно было бы увидеть репортеров, журналистов, суетливых телевизионщиков, обилие ментов, охраняющих общественный порядок и сдерживающих напор страждущих попасть внутрь. Но ничего этого не было. Было просто столпотворение туристов. Еще несколько дней назад здесь было относительно спокойно. Немногие любители творчества Толстого бродили по музею, с любопытством осматриваясь вокруг себя, как будто представляли, каково здесь было жить раньше, и прикидывали, а что если бы здесь сделать евроремонт на энную сумму денег и заселиться самому?

Только вот Тихий Аркадий Николаевич и подумать так никогда не смел. Вы что! Он бы скорее себя кипятком ошпарил, чем позволил бы себе такие кощунственные мысли об этом музее-усадьбе. Для него «Хамовники» были целой жизнью, символом ушедшей молодости, ускользавшей зрелости и подступавшей старости. С грустью думал иногда Аркадий Николаевич о том, что придет и его время уходить на пенсию, уступать дорогу молодым. Тихо пошаркивая подошвами начищенных до блеска туфель, которые носил уже лет пять, он обходил музей, переходя из комнаты в комнату, оглядывая все, присматриваясь к посетителям. Аккуратно ли обходятся с музейными экспонатами, не допускают ли какой-нибудь дурацкой шалости, чтобы похвастаться своим невежеством перед девушкой или приятелями. Было раз, когда один сорванец сел на хрупкий старинный стул, словно на кухне на табуретку. У Тихого сердце в груди застучало как бешеное. Не привык он скандалить, кричать и ругаться. Спокойный был, тихий, интеллигентный, всегда старался со всеми ладить. Не мог он работать в музее классика русской литературы и быть при этом склочным, желчным, крикливым. Вдумчивый был, рассуждать любил и рассказывать. Могло даже показаться, что и родился он в музее этом, и живет в нем, в нем и умирать будет. Его жизнь настолько тесно сплелась с «Хамовниками», что он был как ветвь от дерева. Обруби ветку – дерево дальше жить будет, а вот если наоборот – все тогда, неминуемый конец, ветвь высохнет, срубят ее и на дрова пустят.

Аркадий Николаевич очень любил свою работу. Так сильно любил, что, пожалуй, из-за работы от него и ушла жена. Она все время попрекала его тем, что мало зарабатывает и что вместо того, чтобы воспользоваться таким чудесным моментом, как крах СССР, и поступить как многие ушлые ребята, начавшие торговать на рынках джинсами и кроссовками, он сидит в своем музее с утра до ночи. «Что ты там находишь?» – кричала она в очередной раз, когда выяснялось, что до конца месяца надо как-то жить целых пятнадцать дней, а денег совсем не оставалось. Тихий молчал, улыбался скромно и смотрел себе в ноги, словно признавал свою вину перед ней за то, что нет денег, но в то же время не мог уйти из «Хамовников». И куда бы он ушел, если вся его жизнь прошла здесь! Самое смешное, что и с женой он познакомился тоже в «Хамовниках». Она приезжала сюда молодой студенткой, откуда-то из-под Ярославля. Тихий тогда был видным мужчиной. Подтянутый, гладковыбритый, с мягкой, располагающей к себе улыбкой, с размеренными и неторопливыми движениями и бархатным голосом, он походил больше на сердцеда, который каким-то непонятным для него образом очутился в музее, когда ему следовало одеваться по последней моде и, расчесав свои густые выющиеся волосы, отправиться на покорение женщин. Тихий регулярно отслеживал публицистику,

касающуюся гения русской литературы, чтобы порадовать своих слушателей новыми фактами, интересными подробностями. Он чувствовал радость, находя отклик в глазах экскурсантов. Но по большей части натывался на колючие равнодушные взгляды туристов, приехавших взглянуть на музей, чтобы потом похвастаться перед кем-нибудь тем, чего они так и не поняли. На этом их интерес ограничивался. Женщины, жадно ловившие каждое его слово, все равно не слушали и мечтали, чтобы этот красавец обратил на них свое внимание. Вот Тихий и обратился. Нашел свою судьбу в «Хамовниках». Только вышло все как-то криво, как в жизни часто и бывает. Быстро выяснилось, что жена подобного пиетета перед творчеством Льва Толстого не испытывает и до мозга костей практична. Но Тихий на нее не обижался. «У каждой женщины, да и почему только у женщины, у всякого человека свои интересы бывают. Не буду ей мешать», – решил он. И он действительно ей не мешал, не заставлял, не насаждал своих взглядов, знай пропадал себе в музей с утра до ночи. Не мог он без него, как родной ребенок ему были «Хамовники». А она его «отблагодарила» за такую заботу, как часто водится в таких случаях, занимала себя любовника, да еще такого, которого Тихий и содержал, сам того не зная. Вот и попрекала его деньгами, потому что любовник был ушлый, в картишки поигрывал да горькую попивал, вот и доил ее постоянно. А Тихий и не догадывался, так как давно отстранился от реальности, даже цен не знал в продуктовом магазине, и смотрел на жизнь рассеянно, будто бы она в одни «Хамовники» и упиралась, а все другое – то, что он видит перед собой каждый день, за стенами усадьбы, – его не касается. Только вот потом его часто стали посещать малоприятные мысли о пенсии...

Тихий вздохнул. Утер платком лоб, мягко улыбнулся своему отражению, словно приободрял себя, и пригладил то, что осталось от его некогда пышной шевелюры. «Еще лет пять – и спишут в утиль», – с грустью подумал Тихий.

Поправил пиджак; еще раз взглянул на ноги: начищены ли туфли; пальцем прошелся по пуговицам голубой рубашки. Он всегда так проверял себя перед тем, как проводить экскурсию. Не то чтобы он был неаккуратен, нет, как раз таки наоборот, потому он и оглядывал себя для пущей уверенности, чтобы предстать перед экскурсантами в лучшем виде. Уже один тот факт, что он работает в музее, где раньше жил величайший гений, возлагал на него серьезные обязанности, прежде всего перед самим собою. Никогда от него не было слышно ни запаха алкоголя, ни табака, всегда аккуратный, причесанный, Тихий говорил так, будто бы дарил в каждом слове частичку своего «Я». Он старался воплотить в себе тот дух, который, по его мнению, царил в «Хамовниках» раньше. В его движениях, словах сквозила умиротворенность. Говорил Тихий просто и ясно, без лишних ужимок и уверток.

Аркадий Николаевич, взглянув на часы, убедился, что пора начинать. «Уже две минуты прошло», – подумал он и заспешил к дверям, навстречу первым экскурсантам. Как он ждал этого заветного мига! Пускай и не все слушают, отвлекаются, но обязательно найдется пара глаз, которая будет следить за каждым его движением, пожирать глазами все вокруг себя, словно желая запечатлеть в душе навечно всю обстановку. Тихий всегда украдкой поглядывал на экскурсантов и радовался тому, когда во взгляде, движениях человека обнаруживал искренний, неподдельный интерес, натывался на его жадный, требующий познания взгляд.

Хлынул поток первых туристов, и Тихий увлек их за собой. Во избежание суеты сразу не пускали, да и шум бы стоял неимоверный. Тихий дирижировал группкой из тридцати человек, словно оркестром. Вел их за собой, словно пастух ведет отару овец, попутно показывая, останавливая, где надо, и безостановочно рассказывая, словно дорожил каждой минутой, пока экскурсанты рядом с ним, как будто они для него особенные и лучше их музей больше никогда не увидит.

– Прошу вашего внимания, молодые люди. То, что я вам расскажу, очень интересно, и вы больше этого нигде не услышите.

Молодые люди ухмыльнулись и затихли с таким видом, словно заранее знали, что в который раз им доведется выслушать очередную сентиментальную муру выжившего из ума культурного деятеля.

Тихий, чувствуя особую торжественность момента, начинал:

– Еще триста лет назад Москва со всех сторон была окружена небольшими поселками и деревнями. Их звали слободами или слободками, а тех, кто там жил, называли «слободскими людьми». Занимались они разнообразнейшими ремеслами и торговлей. Название этого музея теснейшим образом связано с названием слободы. Действительно, почему «Хамовники», а не иначе? А все потому, что раньше в этой слободе жили «хамовники», то есть скатерщики, полотнянщики, которые занимались «хамовным делом». Хамовники поставляли на царский двор льняные полотна, скатерти, подкладки для сукна и тем зарабатывали себе на жизнь...

Тихий говорил, все больше воодушевляясь и все меньше замечая, что его перестают слушать, и не потому, что он рассказывал неинтересно, а оттого, что этим варварам требовалось поскорее пробежаться по усадьбе, потрогать что-нибудь руками и стремглав вылететь наружу и задымить папиросой или откупорить банку пива. Лишь несколько человек продолжали слушать с неугасающим интересом, словно Тихий отворял перед ними ворота в сказку.

– ...С 1648 года слобода стала называться Хамовскою. Уже в семнадцатом веке это был район огромной площади. В восемнадцатом веке Хамовская стала простой частью города. Здесь было несколько Хамовнических переулков, улица Хамовников и переулки, которые носили фамилии купцов, дворян и служилых людей. Уже в восемнадцатом веке Хамовническая слобода располагалась между Zubовским бульваром, Большой Пироговской улицей, Москвой-рекой и болотами около Новодевичьего монастыря. Слобода Хамовников росла и развивалась. Заселялись пустыри, проезжие места, окружавшие слободу. Самое любопытное то, что весь облик района, который со временем разрастался вокруг слободы, был совершенно иным. Там была совсем другая жизнь. Слобода состояла из ряда мелких владений, а в окружавшем ее районе располагались крупные землевладельцы. Улица Хамовников, нынешняя улица Льва Толстого, на которой вы имеете честь быть, уже с семнадцатого века заселялась представителями московской знати и богатыми людьми. Здесь устраивались дачи с загородными садами и огородами. В то время эта территория еще находилась за пределами «Земляного города» и пришлось даже ограничивать для чиновничества распространение загородных дворов, так как их количество значительно возросло.

Тихий едва слышно откашлялся. Раньше было гораздо легче проводить экскурсии. Мог говорить часами и ни разу не кашлянул бы. А с возрастом то и дело приходилось откашливаться, ничего не поделаешь, годы брали свое, а если и не годы, то сквозняки, и Тихий спасался от них тем, что в отсутствие посетителей наматывал на шею шарф и поддевал под пиджак свитер. Но такой роскоши в присутствии экскурсантов он себе позволить не мог. Торжественность момента не должна была быть испорчена неэстетичностью его внешнего облика. После некоторой паузы, едва не забыв, что он хотел сказать, до того досаждала ему мысль о грядущей старости, Тихий продолжал свое повествование, взглядом обращаясь к наиболее заинтересованным слушателям. Два парня-близнеца в спортивных костюмах, будто только что сошли с арены греко-римских борцов, тоскливо озирались по сторонам, словно в поисках возможности убежать из «Хамовников» и никогда больше не возвращаться.

– Раньше территория этой усадьбы входила в обширное владение стольника Венедикта Хитрово. Стольниками называли смотрителей за царским столом. Это был придворный чин. К сожалению, точных сведений, как распоряжались этой землей, возводились ли на ней какие-нибудь постройки, не сохранилось. Известно лишь то, что эта земля могла сдаваться в аренду мелкому люду: суконщикам, коробейщикам, житникам, шубникам и другим слободским поселенцам. Венедикт Хитрово был женат на княжне Екатерине Шаховской. Больше о хозяине этой усадьбы в конце семнадцатого века добавить нечего. В восемнадцатом и девятнадцатом веках

эта усадьба часто сменяла своих владельцев. Восемнадцатый век больше богат сведениями об этой усадьбе, чем все предыдущие столетия. Здесь мы уже можем увидеть планы усадьбы и граничащих с ней владений, проследить за тем, как менялись ее границы, состояние хозяйства, изучить быт ее обитателей. Не стоит углубляться, поверьте, эти имена и даты вряд ли скажут вам что-то интересное, но никак нельзя обойти вниманием несколько чрезвычайно любопытных фактов.

Как известно, во времена войны с Наполеоном, в сентябре 1812 года, случилось великое московское пожарище. После пожара был составлен «Генеральный план» Москвы, и выяснилось, что почти весь Хамовнический район не пострадал. Может быть, именно потому, что деревянные строения были расположены далеко друг от друга и утопали в зелени садов, которые и спасли их от неумолимого пламени. Свою роль сыграли и французы. Здесь они устраивали зимние квартиры для своей армии. Эта усадьба часто меняла своих владельцев до тех пор, пока не была куплена Толстым у коллежского секретаря Арнаутова.

Тихий вновь откашлялся и двумя пальцами поправил тугой воротничок рубашки с галстуком, который в последнее время сдавливал шею, словно удавка. Но он не расстегнул воротничок, осторожно отдернув руку и подумав, что это будет неприлично. Сдержав это навязчивое желание, он продолжал, предварительно достав из кармана небольшой, сложенный пополам листок. Раньше он наизусть помнил целые письма Толстого и декламировал их с такой гордостью, словно сам был великим писателем в прошлой жизни и они выходили из-под его пера. Но теперь неизвестно почему он как-то забывал слова и терялся и потому больше всего боялся конфуза. Тогда и приходил на помощь лист бумаги с заранее подобранными цитатами.

– «Так сделай же мне доброе – выпиши меня скорее. Я так славно займусь в Москве окончанием моих дел писательских, и покупкой, и перестройкой дома, и, главное, так радостно будет знать, что ты в хорошем воздухе с маленьким»... – Тихий обвел глазами присутствующих, словно ожидая увидеть на их лицах отпечаток немого восторга. Но лица зевали и покашливали, смотрели на часы и ждали, когда же перестанут грузить их ненужными подробностями. – Вот что писал Лев Николаевич своей жене Софье Андреевне об этом доме. Решение о покупке, очевидно, было принято семьей Толстых в конце июля 1882 года. В тот день Арнаутов получил залог 2000 рублей и для ускорения проведения ремонтных работ подал прошение в Московскую городскую управу с просьбой исправить печи, потолки и крыши. Чтобы ускорить проведение ремонта, Лев Николаевич приехал в Москву в сентябре того же года. Его жена оставалась в Ясной Поляне, и он писал ей письма о ходе проведения строительных и ремонтных работ. Переезжать планировалось первого октября, но работы продвигались медленнее, чем ожидалось, потому члены семьи Толстых вселились в дом только восьмого октября.

– Извините, можно вопрос? – перебила Тихого одна из девушек, стоявшая в первом ряду. Все время, пока он рассказывал, она жгла его своим любопытным взглядом, то ли, может, потому, что хотела смутить, что было маловероятно, то ли потому, что была увлечена его талантом рассказчика.

Тихий обрадовался и посветлел лицом. Машинально потянулся рукой к верхней пуговице рубашки, желая ослабить воротник, но опять отдернул руку. Первый вопрос значительно облегчил его положение. Значит, не зря он все-таки рассказывал! Есть, значит, те, кто проникся атмосферой усадьбы.

– Да-да, задавайте свой вопрос, – с торопливой радостью ответил он, словно боялся, что девушка может передумать. – Я вас слушаю. И наперед хочу сказать, чтобы вы не стеснялись и задавали мне любые вопросы. Я буду очень рад, если смогу вам чем-нибудь помочь.

И Тихий снова теплым взглядом посмотрел на невысокую девушку, лет двадцати семи, ее русые волосы аккуратно спускались по плечам, щеки горели, как будто она волновалась.

– Это правда, что Толстой не хотел здесь жить? – выпалила она на одном дыхании, словно и сама сознавала, какое кощунство говорит.

Но Тихий улыбнулся и ничуть не рассердился.

– Да, это абсолютная правда, девушка. Хорошо, что вы мне напомнили, я как раз хотел об этом сказать. Покупка дома и вся суета по его обустройству, переезд всей семьи из деревни в город – это было только ради интересов семьи. Жена Толстого считала, что жизнь в городе вызвана необходимостью учить детей. На сей счет у вас не должно возникать никаких заблуждений, как будто бы московская жизнь соответствовала взглядам, настроениям или желаниям Льва Николаевича. Увы! Переезжая, он чуть ли не плакал, со злостью глядя на то, что его окружало. Вы можете представить, каково ему было, особенно если учесть, что ремонт проводился под его руководством. Усадьба Толстых по своей роскоши не могла сравниться с богатыми княжескими или графскими усадьбами. Если у иных князей в залах красовались полотна знаменитых художников, скажем голландцев или итальянцев, то усадьба Толстого была среднего достатка, не захиревшая, но и не богатая. Не было пышной свиты. С семьей жили только самые необходимые люди: повар, кухарка, буфетчик, лакей, экономка. Кроме того, при детях проживали постоянно гувернантка и временами гувернер.

– Разве этого мало? – по толпе побежал чей-то насмешливый шепот.

– Прислуга была в большинстве своем яснополянскими уроженцами, – невозмутимо продолжал Тихий, прекрасно поняв брошенные кем-то слова. Он любил делать вид, как будто бы не расслышал, а затем неожиданно наносить контрудар. Это была своеобразная игра, в которую он любил играть с менее осведомленными, скорыми на выводы экскурсантами. Разве они могли догадаться, что он проработал в этом музее всю жизнь, изучил сотни источников о своем любимом писателе? Тихий пользовался этим своим преимуществом сполна. Оно приносило ему некую сатисфакцию, дарило осознание собственной значимости, и, как бы ни складывался дальше день, уже благодаря этой маленькой победе он чувствовал себя воодушевленным и готовым на подвиги, которых в его жизни и не было. Быть может, за исключением одного, если в наше циничное время не все меряется деньгами, – жизнь отдана на откуп музею. Впрочем, он не видел никакого трагизма в сложившейся ситуации, и, если бы ему дали возможность прожить жизнь заново, он снова бы вернулся в «Хамовники» с тем чувством, что успеть надо больше и сделать лучше. – Весной усадьба пустела, и слуги вместе с хозяевами уезжали в Ясную Поляну. Там они не только служили, но еще и следили за своим хозяйством, а осенью вместе с хозяевами возвращались в Москву. На самом деле Лев Николаевич Толстой не любил «Хамовники». Шумная и суетливая жизнь обитателей дома отвлекала от работы, поэтому весной писатель как можно раньше уезжал в Ясную Поляну. Уезжал он туда и зимой. Имел также привычку заглядывать и в Никольское Обольяново. Но, несмотря на то что обстановка не располагала к работе, Лев Николаевич Толстой трудился и в своем хамовническом кабинете. Обдумывал, переосмысливал, исправлял или переписывал – словом, не переставал творить. Из наиболее известных произведений, над которыми он здесь трудился, следует упомянуть «Крейцерову сонату» и «Воскресение»...

Тихий все больше воодушевлялся, чувствуя чуть ли не юношеский восторг, до чего чудесно сегодня рассказывалось. Слова вылетали сами собой, он даже не раздумывал, не запинаясь, а говорил легко и непринужденно, словно накануне готовил целую речь.

– По утрам в сарае Лев Николаевич колол дрова и относил их по черному ходу в свой кабинет. Захаживал в сторожку к дворнику и к кучеру, заглядывал в кухню к повару. А в садовой беседке Толстой правил корректуры «Воскресения». Из садового колодца зимой на санках, а когда вокруг была грязь – на тележке Лев Николаевич возил на себе воду и разливал ее на кухне в бочки или в клозетные баки. На дворе можно было увидеть Толстого в тулупе, собиравшегося на лошади с бочкой на Москву-реку за водой или уже возвращавшегося. На этом дворе Толстой обучался езде на велосипеде. Любил проехаться верхом на Красавчике, а позже на Тарпане по круговой аллее сада, а то и выезжал прогуливаться по Москве и, случалось, даже за город. Зимой на площадке сада Лев Николаевич катался с детьми на коньках или

наблюдал за детьми, съезжавшими на санях или больших подносах с ледяной горки. Владел этой усадьбой Толстой сравнительно недолго – всего десять лет, с 1882 по 1891 год. В доме перебивало множество известных лиц того времени. Однако часто приходили и простые люди. Толстой притягивал к себе людей разных классов и мировоззрений. Кто только не заезжал в гости к Льву Николаевичу! Репин, Суриков, Фет, Васнецов, Соловьев, вдова Достоевского – Анна Григорьевна, издатель Сытин, Лесков, адвокат Кони, композитор Скрябин, драматург Островский. Талантливейшие люди того времени!

Тихий водил экскурсантов и просто-таки благоговел при мысли, что когда-то здесь ходил сам Толстой, а теперь он, Тихий, словно проводник между прошлым и настоящим, посвящает экскурсантов в жизнь любимого писателя. Он водил их по всем комнатам. Показал переднюю, комнату учителя, столовую, детскую мальчиков, девичью, некоторое время тактично помолчал, словно желая оставить экскурсантов наедине со своими мыслями. Обошел с ними весь первый этаж и закончил комнатами верхнего этажа: залой, гостиной, кабинетом, комнатой барышень и двумя людскими. Тихий рассказывал, наверное, одно и то же тысячу раз, только каждый раз у него выходило по-новому, да и любил он воодушевлять новые лица, не обращая внимания на тех, кому до Толстого нет никакого дела.

– 7 июля 1892 года усадьба перешла во владение сына Толстого – Льва Львовича. Тем не менее перемена собственников на жизнь в усадьбе не повлияла. Лев Николаевич продолжал жить в доме сына, где главной хозяйкой была его жена – Софья Андреевна, следившая за хозяйством, воспитывавшая детей и занимавшаяся книгоиздательством. Семья Толстых была достаточно большой. До середины 90-х годов 19 века она состояла из десяти человек. Писатель жил в «Хамовниках» так, как привык раньше, совмещая тяжелый физический труд, занятия ремеслом, умственную работу и общение с людьми. Не оставлял он и занятий спортом. В его рабочей комнате на полу возле умывальника или на подоконнике лежали гантели, а у парадной лестницы стоял велосипед. Любил также Лев Николаевич прогуляться по ночной Москве и по Девичьему полю.

Тихий едва замолк на какую-то сотую долю секунды, как его перебила все та же бойкая девушка, за все время экскурсии уже задавшая ему не один десяток вопросов. «Неуемное любопытство», – подумал Тихий, впрочем, без какой-либо злости, а, наверное, даже с ностальгией, оттого что вспомнил себя в ее годы.

– Простите, а о чем писали Толстому?

– Вы все время идете на шаг впереди меня, – улыбнулся Тихий. – Я как раз хотел упомянуть этот момент. Письма Льву Николаевичу писали разные. Просили денег, покровительства, помощи в нахождении службы, спрашивали совета по житейским вопросам, начинающие писатели присылали ему свои рукописи. Толстой в своих письмах обсуждал вопросы философии, науки, литературы и искусства. Некоторые коллекционеры просили его об автографах и портретах. Были и недоброжелатели, угрожавшие убийством, бранившие Толстого и пробовавшие его поучать. Но это были редкие письма, в основном многочисленные поклонники превозносили его талант. В некоторые годы переписка особенно разрасталась. Это было связано с такими событиями, как борьба против голода в 1898-1899 годах, в которой Лев Николаевич принимал активное участие, по случаю переселения в Канаду преследуемых русским правительством духов, а также в связи с опубликованием романа «Воскресение» в журнале «Нива»...

Когда первая группа экскурсантов схлынула, Тихий почувствовал необычайную усталость, не то чтобы он утомился рассказывать, нет, это было что-то другое, только, что именно, он понять не мог. Просто чувствовал какое-то опустошение, словно сдулся в один миг, как воздушный шарик. А ведь была только одна группа. «Сколько еще этих групп будет, – вздохнул он, и двери снова распахнулись. Хлынул скупой свет пасмурного дня. Зашумели голоса. Тихий смотрел на новых экскурсантов слегка напряженным и уставшим взглядом, словно пытался их

пересчитать, но все время сбивался со счета. Утер лоб платком и, сложив вчетверо, сунул платок в карман. Узел галстука давил нестерпимо, и костюм казался каким-то железным панцирем. Неужели он устал? Устал работать и так же, как остальные, хочет на пенсию? Подумав так, Тихий вздрогнул от испуга, словно впервые узнал себя с новой стороны. «Нет, не может быть. Я не могу устать от этого места. Может быть, мне просто нездоровится? В последнее время голова что-то кружилась и ноги подкашивались. Да, да, это потому у меня такие странные мысли в голове». – Тихий умел себя убеждать в одно мгновение, впрочем, как и разубеждать тоже. И его проникновенный голос вновь полился среди экскурсантов, то утихая, то возвышаясь.

– В 1910 году, 7 ноября по старому стилю, Лев Николаевич Толстой умер на станции Астапово, находившейся на Рязано-Уральской ветке. Его смерть взволновала общество. Начались сходки молодежи против смертной казни. 9 и 10 ноября Хамовнический переулочек был оцеплен полицейскими нарядами и никого туда не пропускали. В эти дни размышляли над тем, как увековечить память писателя. Гласный Московской городской думы Шамин предложил назвать Хамовнический или один из примыкающих к нему переулочков именем Льва Николаевича Толстого, открыть мужское и женское училища его имени и устроить в Москве литературный музей. Старший сын Толстого Сергей Львович был готов уступить городу Хамовническое имение, предоставляя городскому управлению определить его стоимость. 9 сентября 1911 года состоялось историческое заседание Московской городской думы, и было принято решение о покупке этой усадьбы. Из 76 человек проголосовали против только 11. Надо отдать должное городской управе: она приняла все меры к охране усадьбы. С декабря 1911 года на усадьбе проживали пять служителей для наблюдения за домом, были заведены пожарочасы и устроены сигнальные звонки. Доступ во двор посторонним запрещался. Требовалось специальное разрешение управы. В феврале 1912 года было решено устроить музей в Хамовниках. Также было принято решение снести старый, ветхий дом, а на его месте возвести новое каменное здание. Нетронутыми планировалось оставить кабинет и рабочую-уборную комнату писателя, в остальных помещениях предполагали развернуть коллекции музея и открыть библиотеку-читальню. 23 апреля 1912 года в усадьбе состоялся прощальный ужин семьи Толстых, и с этого момента началась новая веха в истории «Хамовников».

– А что с перестройкой? Все разрушили и по новой построили, да? – уточнил парень с таким выражением лица, словно раздумывал, а не взяться ли самому за этот заманчивый проект.

– Вы архитектор? – в ответ дружелюбно улыбнулся Тихий.

– Как вы узнали? – парень оторопел от удивления.

– Интуиция... – словно и сам не понимая, как догадался, многозначительно ответил Тихий. – Нет. Тогда дом от перестройки спасла Первая мировая война. Все ремонты были позабыты. В усадьбе проживал дворник Зайцев со своей семьей. В большом сарае были устроены склады школьной мебели и учебных пособий и даже склад бочек с цементом. Сам дом пустовал. Зайцев обосновался в сторожке. В кухне жил дворник Иван, а во флигеле столяр Кузьмичев с семьей. Двор и дорожки поддерживались в прежнем состоянии: их очищали от травы и посыпали песком. Из колодца в саду продолжали брать воду. После Октябрьской революции в доме был организован детский сад. Нижний этаж дома был занят столами, скамьями, шкафами, а верхний оставался закрытым для доступа. Детский сад просуществовал несколько месяцев, и больше дом никто не занимал. Может быть, кто-нибудь догадывается почему?

Тихий забежал глазами по лицам, желая отыскать на них хоть какое-то выражение задумчивости. Это был еще один из его излюбленных тактических приемов: не рассказывать все полностью, а попытаться разбудить мышление слушателей. И если кто-то отвечал верно, Тихий искренне радовался, как будто он получил Нобелевскую премию за какое-нибудь важное открытие. Но лица были сонными, на некоторых и вовсе едва читался интеллект. Кто-то зевал,

кто-то безостановочно болтал с самого начала экскурсии, кто-то, кажется, только и искал повода улизнуть.

«Наверно, я задал слишком сложный вопрос», – подумал Тихий, как думал всякий раз, не желая расстраиваться и признаваться себе в том, что затея не удалась, а с треском провалилась, потому что современный школьник скорее готов поразить вас обилием нецензурной лексики, набором хамских привычек, чем щегольнуть знанием истории и ее персоналий, тех людей, благодаря или вопреки которым наша современность такова, какова есть.

– Все дело в том, что заведующим Толстовским музеем была получена «Охранная грамота» для дома от Народного комиссариата по просвещению. Что же касается переустройства музея, молодой человек... – Тихий отыскивал глазами молодого человека, словно желая убедиться, что тот еще не удрал на свежий воздух, как уже успели сделать некоторые, чтобы перекурить на крыльце усадьбы и, поплевав под ноги, выразить свое почтение к «Хамовникам» в частности и ко всем музеям и культуре в общем. Но молодой человек никуда не удрал, а смотрел на Тихого с любопытством, так что тот даже застыдил свои мысли. – Особой комиссией по делам музеев в январе 1920 года усадьба Толстого была признана непригодной для размещения здесь музея. По распоряжению Ленина были составлены планы дома, сада и надворных построек. На планах все было отмечено так, как и при жизни Льва Николаевича. Осенью того же года вокруг усадьбы был воздвигнут цементный забор. Отремонтировали снаружи и дом. А в 1921 году начали реставрировать и сами комнаты. Реставрация была проведена при участии Татьяны Львовны Толстой...

Тихий был словно воплощением истории «Хамовников», иногда он и сам себе поражался, насколько быстро и уверенно отвечает на вопросы, не успевая даже призадуматься. Экскурсанты удивлялись не меньше. Тихий походил на любознательного школьника, помимо одного урока выучившего наперед целую школьную программу. Он не путался в датах, цифрах и именах, вспоминал интересные подробности, и можно было подумать, что он сам жил здесь вместе с Толстыми в то время, а теперь просто пересказывает то, что происходило при его участии и перед его глазами. Но все было проще. Он просто любил писателя Толстого и все, что с ним связано. Будь он всего лишь увлечен, зашел бы в библиотеку, полистал общедоступные книги, почитал, удовлетворил свой интерес и поехал бы, как жена советовала, на рынок джинсами из Китая или из Турции торговать. Но в том-то и загвоздка, что не хотел Тихий торговать и не мог удовлетворить свой интерес общедоступными книгами. Постоянно выискивая что-то новое, зайдет, бывало, в библиотеку и примется за чтение какой-нибудь редкой книги.

Тихий набрал побольше воздуха в легкие и заговорил с тревогой в голосе, словно предупреждал всех о том, что в ближайшем будущем это событие может повториться.

– В 12 часов дня 28 января 1927 года в музей-усадьбу, в котором вы имеете честь находиться, вошел неизвестный гражданин, который быстро взбежал по парадной лестнице на второй этаж, пробежал зал с длинным полутемным коридором и очутился в кабинете Толстого. Там он вытащил из кармана бутылку с легковоспламеняющейся жидкостью...

У некоторых особо впечатлительных слушателей загорелись глаза, словно они и сами были бы не прочь повторить аналогичный «подвиг», только бы выпустили их отсюда поскорей.

– Сотрудница музея хватала его за руки, пыталась оттащить от стола, но незнакомец успел чиркнуть спичкой, и на столе вспыхнуло пламя. Тогда она бросилась вниз поднимать тревогу, но поджигатель догнал ее и, свалив ударом в спину, выбежал во двор, а затем и на улицу. К счастью, пожар, не успев разгореться, был потушен. Сгорело несколько старых газет и часть рукописи Толстого «Рабство нашего времени». Поджигатель оказался душевнобольным, еще до «Хамовников» он пытался поджечь несколько московских музеев. К счастью, он так и не сумел повторить подвиг Герострата...

За рабочий день Тихий порядком устал. Наспех пообедав взятым из дома бутербродом и запив его горячим чаем из термоса, он, не успев толком передохнуть, вновь явился к экс-

курсантам. Множество новых лиц. Даже группа туристов из Великобритании. Тихому стало как-то неудобно, что за все это время он так и не выучил английский язык, который бы ему сейчас очень пригодился. А как было бы здорово, если бы Тихий с оксфордским произношением рассказывал о своем любимом писателе чопорным англичанам, выражая все свои чувства и мысли на их языке, да так, чтобы они смогли почувствовать и понять то же, что и он. Но пришлось говорить с переводчиком, что несколько смазало общую картину. Тихий нервничал, потому что не знал, как переводчик переведет то или иное слово. Он смотрел на переводчика так пристально, словно требовал от него отчета за каждое использованное слово. Переводчик вел себя невозмутимо и говорил с такой небрежностью, словно речь шла об обеденном меню, а не о жизни Толстого. По крайней мере, именно так воспринимал его Тихий, он даже раз не удержался и попросил сказать переводчика по-другому. Тот удивленно пожал плечами, но все-таки исполнил просьбу, однако Тихий все равно мучился, не в силах прочесть на невозмутимых лицах англичан, пришлась ли его фраза им по душе. Он всеми силами старался говорить так, чтобы его речь была доступной, но в то же время не примитивной и упрощенной. Тихий хотел привлечь внимание экскурсантов, быть с ними искренним и рассказывать так, будто бы все они пришли в гости к лучшему другу, который недавно вернулся с дивных островов и знает много чудесных историй, недоступных самому шустрому журналисту.

Кроме англичан приезжали китайцы. Тихий смотрел на них с каким-то паническим страхом. Они казались ему еще дальше англичан, и он боялся, что переводчик исказит смысл его слов, и китайцы его совсем не поймут. От этого на его бледном лбу выступил пот, и он осторожно провел по лбу платком и машинально поправил узел галстука. Галстук, между прочим, чем ближе подходил рабочий день к завершению, тем больше напоминал петлю-удавку. Но Тихий сносил все неудобства своего костюма со стоическим спокойствием; по крайней мере, он знал, ради чего все это делает, и вовсе не считал это какой-то трудностью или неприятностью. Вот уйдут последние посетители, и он расслабит галстук, позволит расстегнуть себе одну пуговицу рубашки и поговорит с вечно зевающим вахтером, делясь впечатлениями прошедшего дня. Походит еще сам по музею, проверяя все ли на месте, не испортили ли чего, не натоптали ли, не забыли ли каких-нибудь вещей, не оставили ли мусора, и, только проверив весь музей и удостоверившись, что все в полном порядке, уедет к себе домой, на окраину Москвы.

Закончив работать, наговорившись до хрипоты, до того состояния, когда больше всего хочется молчать, Тихий ощутил камнем навалившуюся усталость. Тело словно потяжелело в несколько раз, а на спину повесили пудовые мешки. Ноги подгибались, руки подрагивали так, что, держа стакан, он едва не расплескал чай. Целый день его не отпускало напряжение, но он, увлеченный работой, не чувствовал его так сильно, как сейчас, когда вокруг тишина и не слышно ничьих голосов.

Жил Тихий далековато, на улице Джанкойской, и потому дорога предстояла пренеприятная по многим причинам. Ясное дело, вначале на метро, в битком набитом вагоне, потом ждать автобуса. Дорога отнимала столько сил у Тихого, сколько не отнимал весь рабочий день. Он возненавидел эту толчею и грохот прибывающего поезда, долгое ожидание автобуса и потому, чтобы хоть как-то скрасить малопрятный и долгий путь домой, когда тебя толкают со всех сторон и стараются отдавить ноги, чтобы ты уступил местечко получше, он читал книги. Тихий любил читать. Читал взахлеб. Дома времени не оставалось, конечно: только поужинать, помыться и лечь спать, с тем чтобы завтра ехать в «Хамовники», а вот дорога предоставляла время для чтения.

Часто бывало, что после рабочего дня Тихий не находил сил ехать домой. Если бы не жена, которая, как он надеялся, обязательно вернется, то Тихий оставался бы ночевать в музее. Но привычка часто оказывается сильнее натуры, иногда от нее невозможно отказаться, и Тихий шел к метро, размахивая небольшим портфельчиком, которому уже было лет тридцать. Для вещи срок солидный. На улице попадались прохожие, уставший Тихий обходил их, словно

фонарные столбы, ни единой черточкой лица не показывая, что он их заметил. Шел среди людей, как будто среди обезлюдившего города, и думал о своем. И о молодости, и о недавнем прошлом, только вот о будущем думать совсем не хотел. Не радовало его это будущее, а все равно понимал Тихий, что настанет этот момент, когда будущее станет настоящим. Наступит и тот день, когда скажут ему: «Ну что, Тихий, отработал ты уже свое. Пора дорогу молодым давать». И приведут какого-нибудь молодого, который сам в этом музее ни разу не был, «Войну и мир» так и не осилил, прочитав в кратком содержании. Моментами Тихий, конечно, утрировал, преувеличивая свои страхи в разы, но тем не менее его опасения были небезосновательными. Наверно во всей Москве не могло найтись человека, так сильного радеющего за свое дело, как Тихий. Он уже не раз задумывался о своей смене, о том, кто бы мог достойно занять его место, и мрачнел оттого, что не видел подходящей кандидатуры, а сталкивался с каким-то равнодушием, позерством и насмешкой, как будто люди не в «Хамовники» пришли, а так, забрели по дороге в какой-нибудь кабак и смеются, чем, мол, нас удивить хотите, мы и так все знаем. Заходя в метро, Тихий словно просыпался от своих мыслей, точнее, заставлял себя проснуться. Было раз дело, так задумался, что только дома заметил пропажу кошелька. Долго тогда перед женой извинялся за свою рассеянность и на себя рассердился. Потому теперь был в реальности, вливался в людские потоки, спешащие к эскалатору. Занял свое место и рассеянно глядел, как вниз опускается, словно в какое-то подземелье, из которого никогда ему больше не вернуться. Там, среди толчеи и сутолоки, бежал на автомате, если слышался вдалеке грохот прибывающего поезда.

Сейчас ждать не пришлось. Тихий побежал и едва втиснулся в вагон. Слышались возмущенные крики, а кое-кто, пользуясь правом сильного, пробивался, расталкивая всех локтями. Тихий был не из таких людей: не то чтобы боялся действовать подобным образом, нет, просто не хотел занимать свое место за счет унижения других, потому иногда и ждал следующего поезда. Но сзади надавили как следует, и Тихий помимо своей воли попал какой-то женщине в бок локтем. Она злобно посмотрела на него, взгляд ее был настолько красноречив, что Тихий не сомневался: будь у нее возможность, она подняла бы руку и отвесила ему оплеуху.

– Извините, – пробормотал он так тихо, что и сам еле-еле расслышал свой голос.

– Хам! – резко ответила женщина.

Тихий пошатнулся как от удара и пристыженно молчал. Выйдя на Скобелевской, пошел на остановку автобуса, плотнее запахнув куртку. В конце октября в Москве был такой жуткий холод, что казалось, уже завтра наступит зима. Еще недавно прошел дождь. Дул холодный порывистый ветер, такой сильный, что, идя против него, приходилось прятать лицо.

– Папаша, дай закурить, – обратились к Тихому на остановке какие-то парни в спортивных костюмах, с угрюмыми лицами.

– Не курю, ребята, – вежливо ответил он, как привык отвечать всякий раз, даже на явные подначки и намеки на стычку. Но ребята попались нормальные, они и не думали цепляться к Тихому. Что возьмешь с него? Старую поношенную куртку, легкую потрепанную кепочку черного цвета да невзрачный портфель?

– Правильно, отец. Курить – здоровью вредить, – изрек один из них, и вся троица разразилась хриплым смехом.

Подъехал автобус, и Тихий занял место у окна. В автобусе, по обыкновению, на него наваливалась дремота, как утром, так и вечером. Он тщетно боролся с ней и на какое-то время проваливался в сон, затем просыпался и начинал ошарашенно озираться по сторонам, не проехал ли нужной остановки. Так и сейчас, волей-неволей, рассеянно глядя в окно, он засыпал, да и не мог не засыпать, если приходилось подниматься в пять часов утра, когда, наверное, все еще спят за исключением таксистов, водителей автобусов и троллейбусов, дворников да молодежи, любящей бессонные ночи и шумные компании. В автобусе сидели такие же уставшие люди, как и он. Кто-то пошатывался из стороны в сторону, кто-то равнодушно глядел перед

собой, кто-то сидел с таким отстраненным видом, как будто находился не в автобусе, а в каком-то другом месте, может быть на курорте, на котором ему никогда не побывать. Сзади Тихого сидела парочка влюбленных, которая громко смеялась. Старый двигатель тархтел, словно на последнем издыхании, и в салоне пахло соляжкой. По стеклу расплзались капли вновъ пошедшего дождя. Автобус поехал темными улицами. Тихий дремал, прислонившись щекой к стеклу. Автобус встряхивало на каждой колдобине, дорога была такой паршивой, словно здесь асфальт не меняли с 50-х годов прошлого века. Впрочем, Тихий привык к такой езде, да и не был он автолюбителем, чтобы мог возмущаться и писать жалобы. Ездил себе на автобусе и не злился, не в его силах дорогу было поменять.

По дороге Тихий вспоминал, чем же может порадовать его холодильник. С недавних пор, как ушла жена (а это печальное событие произошло чуть больше двух недель назад), Тихий начал жить в соответствии с холостяцкими традициями. Только, несмотря на свой возраст, он был неопытным холостяком, и человеку, долгое время прожившему с семьей, трудно жить в одиночестве. За всей квартирой приходилось следить самому, вытирать пыль, ходить в магазин, готовить, стирать, – Тихий со своей работой и выходными, которые он проводил в библиотеке, не мог с этим управиться. Едва справлялся с тем, чтобы приготовить себе нехитрый ужин, какую-нибудь кашу или вермишель, ну или мог сварить кусок мяса, только в последнее время мясо он ел нечасто – инфляции, скачки цен, а зарплата оставалась практически на том же уровне. Жена злилась на него, что не ищет лучшей доли, а он думал: «Бог с ним, с мясом-то, и так проживу». Мучительные размышления Тихого окончились тем, что он решил, что приготовит обыкновенную яичницу: и хлопот мало, и, может быть, прибраться успеет, простирнуть кое-что из одежды. С этими мыслями он и вышел на своей остановке, дошел почти до подъезда и вдруг вспомнил, что дома нет яиц и в магазине последний раз он был несколько дней назад. Ничего не оставалось делать, как развернуться и, подставив лицо неприветливому ветру, побрести к магазину. Тихий украдкой достал деньги из внутреннего кармана куртки и при неверном свете фонаря убедился, что денег хватит. А то раз было, совсем замечтался, забыл о деньгах, а продуктов набрал, как на зимовку, стал расплачиваться на кассе, а денег нет. С тех пор Тихий всегда пересчитывал деньги, чтобы не испытывать конфуза.

У самого крыльца магазина околачивались пьяницы в надежде сообразить с компаньонами на бутылку. Выпить не вопрос, в ближайшей подворотне или подъезде теплое местечко всегда найдется. Иногда местные алкаши обращались к Тихому и просили денег на выпивку. Он внимательно глядел на испытые пропащие лица просителей и чувствовал что-то похожее на сочувствие. Некоторые заметили, что, когда ни попросишь, Тихий всегда дает деньги, и начали злоупотреблять его сочувствием. Тогда Тихий принял контрмеры и стал появляться здесь как можно реже, однако в деньгах не отказывал. «Спившиеся, но все равно люди-то. Не по себе судить надо, а по другим людям», – любил повторять Тихий себе в назидание.

Только на этот раз знакомых пьяниц не было и денег у него никто не просил. Тихий не расстроился и не обрадовался, а воспринял это как должное. В магазине прошелся между рядами, прицениваясь, купил яиц, хлеба, два пакета молока и кефира, некоторое время с задумчивостью повертел в руках упаковку с сыром, да отказался, решив сделать назавтра бутерброды с колбасой.

Шагал из магазина медленно, еле ноги волоча. Долгий и утомительный денек выдался, все-таки с пяти утра на ногах. У подъезда на скамейке собралась местная шпана и распивала водку. Тихий минул их, словно призрак, и скрылся в теплом и темном подъезде. Воздух был затхлый, пропитанный запахом мочи и еще невесть чем.

Тихий, не изменяя своей привычке, сунул мизинец в отверстие почтового ящика, проверяя, нет ли свежей газеты. Но вместо нее палец наткнулся на огрызок яблока, и дверца со скрипом открылась. Сорванный замок бессильно болтался на одном болтике. «Ладно, завтра отремонтирую, – решил Тихий, – и уточню на почте, присылали ли мне новый номер газеты». Стены

подъезда были изрисованы черными каракулями неудавшихся художников, которых великое множество в спальных районах, странно лишь то, что их творчество так одинаково и примитивно. Вдавил деформировавшуюся кнопку девятого этажа, и старый лифт лязгнул дверями. В лифте было наплевано, под ногами шелуха от семечек и окурки. «Неужели по-человечески нельзя? – думал он. – Поплевал шелуху в кулек из газеты, сигарету выкурил на балконе любого из этажей, а бычок затушил и выбросил в мусоропровод. И зачем сплевывать на пол?» Тихий каждый раз расстраивался при созерцании такой неприглядной картины. На своем этаже при свете одной-единственной тусклой лампочки, которую любили выкручивать и разбивать чуть ли не каждую неделю, долго копался в портфельчике в поисках ключей, пока не хлопнул себя по лбу и не достал их из заднего кармана брюк, догадавшись, отчего так было неудобно ехать в автобусе.

«Ну вот и пришел», – с каким-то безразличием подумал Тихий и ступил на порог квартиры. Собрался зажечь свет, рукой ища выключатель. Но в следующий момент дверь за ним аккуратно закрыли, руку сильно сжали, кто-то сзади захватил в стальные тиски, а на рот наклеили клейкую ленту. Свет так и не зажгли. Тихий дернулся несколько раз, пытаясь вырваться, но не выходило. Коридорчик был тесный. Узкое пространство и бежать некуда.

– В комнату его...

– А что с сумкой?

– На кухню...

Тихого поволокли двое детей в комнату, усадили на стул к столу, дали ручку и бумагу.

– А теперь слушай сюда. – Тихий не видел, кто с ним разговаривал, оттого что тот подошел сзади и прижал к его кадыку лезвие ножа. Дернись он чуть-чуть – и завтра не поедет на работу, а останется здесь, за столом, с поникшей, словно от усталости, головой или, быть может, рухнет на пол и кровь начнет растекаться темной лужей, а когда проступит на потолке соседей, те вызовут ментов, но будет уже поздно. – Бери ручку и пиши. Пиши, что говорят. И помни: дернешься – концы отдашь.

Тихий испуганно замычал. Ручка дрожала в руках, словно он был алкашом со стажем.

– Пиши под диктовку, толстовец, – жесткий голос продолжал отдавать команды.

Тихий, словно под гипнозом, делал все, что говорят, ничего не понимая: *«Заранее прошу у вас прощения. У тебя, моя женишка, и у вас, мои дети. Не вспоминайте плохое, а помните только хорошее. Вы ни в чем не виноваты. Никто ни в чем не виноват. Я устал жить дальше. И вы здесь ни при чем. Прощайте!»*

Тихий выводил слова, как будто чужой рукой, и совсем не понимал их смысла, не осознавал происходящего, а, словно перепуганный школьник-двоечник, спешно писал диктант неумелым почерком. Холодное лезвие едва касалось горла, как будто щекотало его. Окна в комнате были зашторены. Тихий писал при свете яркого карманного фонарика. Написав, отложил ручку, чувствуя, как кто-то смотрит через плечо и читает написанное, но не оборачивался.

– Молодец, – на плечо Тихого легла тяжелая рука.

Затем обладатель этого голоса отдал какой-то знак, потому что в следующий момент Тихого подхватили под мышки и, несмотря на то что он отчаянно сучил ногами, поволокли на середину небольшой комнатки. Все необходимые приготовления были уже сделаны. Кухонная табуретка дождалась, когда на нее ступят ногами. Люстра была снята, и вместо нее болталась веревка. Тихого волокли так, что он не мог увидеть этого, а только бессильно мычал, ворочая головой из стороны в сторону, словно тряпичная кукла. Его рывком поставили на табуретку, набросили на шею бечеву и тут же стремительно выбили из-под его ног табуретку.

Тихий засучил ногами, глаза вылезли из орбит, и, отчаянно дернувшись в последний раз, он повис, едва заметно покачиваясь. Лицо его застыло в гримасе безмолвного ужаса.

– Кедр,ними ленту, пусть язык висит натурально, а ты, Бон, не пялься на меня, как на телку, а затирай отпечатки. И ничего не лапать! Не брать! Врубились?! Жду внизу, в машине. Быстро чтоб!

Глава 2

Илларион Забродов был в замечательном расположении духа, которое, честно говоря, в последнее время посещало его нечасто. Радовало его, по крайней мере, то, что для хорошего настроения ему требовалось совсем немного. «Хорошо все-таки, что я не такой привередливый, без запросов, как у молодежи, чтобы всего и много и сразу. Может, я раньше тоже таким был, но потом отошло как-то. Только вот интересно, мог бы мне сказать, тот же генерал Федоров, к примеру, хорошо это, что с возрастом человек умиряет свои аппетиты и начинает радоваться тому, что у него есть. Вот и я, чем не образец для такой теории? Хорошенько выспался, кошмары не снились, на дворе солнце яркое светит, снежок выпал, машина бежит, как новенькая, никаких пробок. Только если так рассуждать, то радость примитивная какая-то получается. Стоп, – сказал себе Илларион. – Чего ты, в самом деле, расфилософствовался и размечтался прямо как поэт».

Он усмехнулся своему отражению в зеркале заднего вида и перестроился на левую полосу: по правой полосе ехать было невозможно, машины волочились, как караван в пустыне. «Нельзя так, – подумал Илларион. – И сам не едешь и другим не даешь. Что, только в Москве так? Или везде так ездят? Гордятся своей неуступчивостью. Только разве это неуступчивость? По-моему, самая обыкновенная глупость. Человек же и по делам может куда-то спешить, как я, например. Хотя разве это срочное дело – поменять летнюю резину на зимнюю? Или я не замечаю, как старею, и для меня каждая мелочь становится важной и называется делом? Тьфу, что за мысли лезут в голову! Услышал бы Федоров или Сорокин, на смех бы подняли! Сами на мои шутки обижаются, дуются, а вот меня поддеть любят, я же, по их мнению, обижаться не имею права».

Илларион закурил и подбавил газу. Сам он с нарушителями закона боролся, учил их уму-разуму, но кто из русских не любит быстрой езды? Он и находил себе оправдание в этой поговорке. Решил не тянуть кота за хвост и выбрался к своему знакомому, с тем чтобы поменять резину своему «бьюику». «Рискнуть-то можно и на летней дальше ездить, – рассуждал Илларион. – Только потом сам себе не прощу, если в ДТП попаду. Или... Ну вот, дофилософствовался до мыслей о смерти. Жить и жить тебе еще, Илларион. Рано еще в дальние края собираться».

Забродов выехал на Ленинградский проспект, вливаясь в плотный поток машин. Здесь уже было не так вольготно, и полосы выбирать не приходилось. «Вот черт, – выругался Илларион. – Дернуло же меня сегодня шины менять. Такой день солнечный, приятный. За город лучше бы поехал или дома остался, навел бы порядок в библиотеке и Марату Ивановичу Пигулевскому звякнул бы, может, у него что-то новенькое появилось. Нет же, теперь полдня простою на Ленинградском и к вечеру доеду. Ну поставят мне резину бесплатно, денег не возьмут, а день-то испорченным окажется». Илларион давно обещал заехать к одному своему знакомому. Тот недавно позвонил и похвастался, что обзавелся своим автосервисом. А Илларион, не подумав, напросился в гости, при этом добавив: «Для моего коня твоя конюшня не годится». Ну вот и получил теперь приглашение навеститься в автосервис, с уговором, что если все сделают как надо, то с Иллариона причитается бутылка коньяка и свои нехорошие слова он берет обратно. Вот и пришлось ехать. Забродов не привык бросаться словами, не то что как некоторые. Под «некоторыми» прежде всего подразумевался генерал-майор Федоров, который обещал заехать две недели назад и все не приезжал. Хоть бы перезвонил, сказал что да как, нет, молчит и не звонит, а потом, как обычно, приедет без предупреждения, когда Иллариона дома нет, и будет сердиться, что не встретил. «Ох уж этот Федоров, – покачал головой Илларион. – Вояка с характером. Ну а ты сам? Без характера, что ли? Тогда не ропщи, а лучше подъежь

вперед, иначе вон та девушка с правой полосы втиснется в твой ряд и тебе придется не только менять резину, но еще и перекрашивать машину».

Илларион быстро ликвидировал свободную площадь асфальта, на корню перерубил устремление хитрой девушки, которая располагалась на своей полосе теперь несколько кривовато и не могла сделать маневр, пока Забродов не проедет чуть вперед. «Вот так-то, – с удовлетворением подумал Илларион. – Должно послужить уроком. С детства же учили, не лезь вперед очереди, занял свое место и стой».

Но, очевидно, девушка только недавно сдала на права, или заболталась по мобильнику, или красила губы, или же, обладая редкостным телепатическим даром, прочитала мысли Забродова и рассердилась на него за неуступчивость, но в следующий миг она подтвердила его наихудшие опасения. Она умудрилась слегка помять с правой стороны переднюю и заднюю дверцы машины. Илларион услышал скрежет, который иногда слышал в кошмарных снах и который так часто избегал ценою невероятного напряжения ума и ловкости рук. Но видно, рано или поздно, неизбежное должно было случиться. Теперь его черный «бьюик», который, между прочим, он не так давно покрасил, однозначно нуждался в посещении автосервиса. На его некогда аккуратном боку виднелась вмятина со свежими царапинами.

– Когда садитесь за руль, вначале надо разобраться, где газ, а где тормоз! Да, кстати, почем права нынче? За сколько взяли? Триста, четыреста или все пятьсот? – Илларион говорил громко и уверенно с видимым спокойствием, но, рассмотревшись в его глаза, нетрудно было понять, что он не на шутку разозлился. И хотя он не привык ругаться с женщинами, сейчас ему очень хотелось это сделать, в особенности когда такая хрупкая девушка садится за руль громадного «форда эксплорера» и пробует твою машину на крепость и характер, между прочим, тоже.

– Я... я... – девушка ловила ртом воздух, отставив мобильник от уха, и казалось, сама не понимала, что произошло и как это так могло получиться, что машина вдруг ни с того ни с сего поехала.

– Ну, не я же, – Илларион в расстройстве развел руками. – Где вас так ездить учили? На каком заброшенном поле?

Он вернулся в машину и включил аварийную сигнализацию, пребывая в твердой решимости, что дождется приезда доблестных сотрудников ГИБДД, которые и покарают нерадивую автолюбительницу.

– Посмотрите, что вы наделали! – Илларион был возмущен и пытался заставить себя успокоиться, но ничего не выходило, потому что каждый раз, бросая взгляд на вмятину и свежие царапины на своей машине, он чувствовал новый прилив негодования.

Забродов принял позу учителя и показал рукой, словно указкой.

– Да-да, полюбуйтесь, девушка, результатом ваших усилий. И, между прочим, пора бы выключить левый поворот, или, может быть, вы собираетесь взять меня на таран? Русская баба, как говорится. И коня на скаку остановит...

Он не договорил, потому что она зарыдала, а это было хуже всего: когда женщины начинали плакать, Забродов терялся и чувствовал себя негодяем, виноватым и вообще самым худшим человеком в этом мире. И эта девушка, сама не догадываясь, нащупала его самое слабое место.

– Ну-ну, ладно вам уже. Ну, с кем не бывает? – неловко начал утешать Забродов, уже не обращая внимания на объезжавшие их машины, чьи клаксоны заходились в истерике. «Ну что непонятного, – с раздражением подумал Илларион. – Не просто же так остановились поболтать, а самое настоящее ДТП. Я даже знак выставил, ближе, правда, чем требуется, но попробуй подальше его поставь, так скорее на капот поймают. Задавят и даже не заплачут».

Образовалась приличная пробка, машины объезжали их и выстраивались в многокилометровую очередь. «Вот как в жизни бывает, – подумал Забродов с какой-то неожиданной гор-

достью. – Из-за этого столкновения все движение на проспекте перекрыто, ну или почти все. По радио говорят наверняка, и в Интернете на карте место аварии отмечено, а всего-то и дел, что столкнулись две машины. Кажется, мелочь, а все вынуждены считаться».

Девушка продолжала плакать, склонившись к рулю. Ее светлые волосы разметались по плечам, и рыдала она как-то по-настоящему, так что Илларион, не раз побывавший в смертельно опасных переделках, кажется, впервые в жизни испугался не на шутку. Испугался обычных слез. «Неужели я такой слабак? – не без тревоги подумал Илларион. – Ну плачет. Подумаешь! Кто из женщин не плачет? Все плачут. Их тогда жалеть начинают и мужики часто соглашаются на то, на что никогда бы не согласились, если бы их жены, подруги, дочери, невесты не заплакали. Коварные эти существа, женщины...»

– Ну ладно, ладно, хватит уже плакать! Мне на нервы действует. Не будем никого вызывать! Это я так сказал, чтоб припугнуть!

Она словно бы не расслышала, но плач стал стихать, наконец она подняла лицо от руля.

– Отвернитесь, что вы так смотрите на меня! Я вам не музейный экспонат и не картина! Что, не видели никогда женщину с поплывшей косметикой?

– Почему? – смутился Забродов. Должно быть, его взгляд показался ей слишком нескромным, изучающим. Но что он мог поделать, если его профессия наложила отпечаток на всю его жизнь и он до конца дней не сможет избавиться от изучающего взгляда, да и зачем избавляться, если не раз этот взгляд его выручал?! – Видел я всяких женщин. И с поплывшей косметикой тоже. Хочу вас успокоить: это не самое страшное зрелище, которое мне приходилось видеть. Гораздо страшнее всякие огуречные маски, особенно когда тебя встречают без предупреждения. Вот так недолго и зайкой на всю жизнь остаться! А вы говорите о какой-то поплывшей косметике! Меня таким не испугаешь!

– Между прочим, вы только что на меня кричали. Когда на меня начинают кричать, я тут же плачу. Так что косвенно в моем испорченном внешнем виде виноваты вы. И можете не отпираться, я все равно вам не поверю, – сердито отпаривала она, утирая влажной салфеткой лицо.

– Вот тебе и на! – Илларион опешил. Давненько не встречал он таких языкастых, которые из виноватых правыми делают за одно мгновение. – Это что же получается? Вроде как я виноват? Ехал тут, понимаешь, на своей машине, дорогу занимал, чужое место, не давал проехать, спровоцировал столкновение, а потом еще и расстроил хозяйку чужого авто? Это так следует понимать?

– Вы меня никогда не поймете, потому вы мужчина, – категорически заявила девушка, которая вовсе не походила на стерву, каковой показалась вначале Иллариону. «Еще не стерва, просто показывает свой характер и не понимает, что делает, чем-то похожа на подростка, выстраивающего свои взаимоотношения с миром путем протеста», – подумал он.

– Может, вы все-таки выключите поворот? И мы отъедем в какое-нибудь место поспокойнее, чтобы решить, как быть дальше?

– А может, я передумала и решила вызвать ментов? – она мстительно улыбнулась. Косметика и вправду поплыла.

– У вас тушь на правой щеке, – подсказал Забродов и добавил: – А что? Можно и так. Давайте, я не против! Пусть приедут, посмотрят, как что здесь случилось, и вам придется заплатить штраф, лишиться прав и оплатить ремонт, если у вас нет страховки, и еще, что немаловажно, придется потратить впоследствии время на поход в спортивный магазин.

– Это еще зачем? Или это у вас такой своеобразный юмор?

– Я говорю на полном серьезе. Без шуток, – подтвердил Илларион. – Вам же надо будет как-то передвигаться по городу. Судя по вашему виду, на общественном транспорте вы передвигаться откажетесь. Такси сейчас почти не поймаете. А кататься с бомбилами побоитесь.

Остается велосипед, самокат и мопед. Я советую вам выбрать велосипед. Очень полезное, между прочим, для организма занятие – кататься на велосипеде.

– Вы в школе, наверное, двоечником были.

– Тогда вы отличницей в автошколе.

– Между прочим, у меня есть личный шофер, а ваши волнения излишни. Если хотите от меня денег, то так бы сразу и сказали, я заплачу их вам сейчас. И можете не рассчитывать пригласить меня в кафе или ресторан. Не думайте воспользоваться моим бедственным положением и поставить меня в неловкое положение! Вот ваши деньги, и едьте, куда ехали.

Илларион и слова не успел сказать, как она сунула ему в руку смятые купюры и тронулась с места. Он хотел было догнать машину и бросить ей деньги в салон, но она уехала далеко вперед, и Забродов решил, что несолидно, если мужчина его возраста начнет вести себя как вспыльчивый мальчишка и погонится за машиной. Да и если рассуждать здраво, в том, что он взял деньги от женщины, ничего унижительного нет, потому что она исковеркала его машину и заплатила, а он ей еще навстречу пошел, отказавшись вызвать ГИБДД. Настроение, правда, совсем испортилось, так жутко испортилось, что захотелось бросить эту машину здесь и идти куда глаза глядят. «Это же надо такому случиться, – сетовал Забродов, – так хорошо день начинался, такое настроение было, а тут эта досадная случайность – и все рухнуло как карточный домик, да еще осадочек неприятный остался, так ловко она его отбрила.

– Чего стал, мужик? Прогулка на проезжей части? Убрал машину! – из тонированного окошка, съехавшего вниз, раздалось хамоватое приказание какого-то верзилы.

– Да-да, – пообещал Илларион. – Сейчас уберу.

Не любил он хамов, просто не переваривал. И потому напрямик направился к «мерседесу» с тонированными стеклами.

– Мужики, – обратился он вежливо, будто бы хотел что-то попросить, но тут же резко ударил двумя согнутыми пальцами шофера в наглое лицо. Тот завыл от боли и ткнулся лицом в руль.

Передняя дверца авто открылась, и оттуда вылез парень фактурой с десантника, лицо, как каменное, и, обойдя машину, молча двинулся на Забродова, как великан, желающий раздавить какую-то мелюзгу, копошащуюся под ногами. Илларион ловко выступил вперед, провел болевой прием, и огромная детина зашипела от боли, прося отпустить руку.

– Эх, ты! Да не в весе дело! – ухмыльнулся Забродов.

Он догадался, что в машине кто-то был еще, но решил, что лучше не заглядывать, всякое в жизни бывает, вдруг нервы не выдержат, и Илларион глупо отправится на тот свет. Да и тот парень, что там, внутри, не рисковал выходить, видя, как легко Илларион разобрался с его шофером и охранником.

– А все потому, что вежливости не знаете. Элементарных правил этикета! Вот обратились бы ко мне как человек к человеку, я бы машину убрал и счастливой дороги пожелал. А так к травматологу заглянуть не мешает, а шоферу посоветуй чаем глаза на ночь пополоскать. Думаю, отпустит. Я не сильно его. Рулить сможет.

«Ну и денек, ну и денек, – то и дело повторял про себя Забродов, – что с людьми в мире происходит! Совсем разучились быть вежливыми и культурными. Человек человеку волк. Вот эти так и вели себя со мной, только я не считаю, что люди – волки друг другу, просто иногда попадаются такие сволочи, с которыми по-хорошему себя вести не выходит. Не могли объехать, стали за мной прямо. Чуть повернули бы и объехали. Надо было еще хамить. – Забродов еще некоторое время глядел в зеркало заднего вида. «Мерседес» беспомощно мигал аварийной, а шофер, не отнимая рук от лица, вышел из машины, а его место занял детина, отчаянно разминавший кисть правой руки. – Ничего, до свадьбы заживет. Небольшой вывих, пусть еще спасибо скажет, что сухожилия не порвал. Совсем сосунок еще, никакой техники, одна бравада. Эх, десантура. Что она по сравнению со спецназом!»

Темнело, и Илларион, взглянув на часы, выяснил для себя пренеприятное обстоятельство. Оказывается, он застрял здесь на несколько часов, и ехать дальше не имело смысла, следовало возвращаться домой, хотя бы потому, чтобы завершить день на мажорной ноте. Например, навел бы порядок в своей библиотеке и определился со списком новых книг, которые надо заказать у Марата Ивановича Пигулевского, старого антиквара. Но и назад добираться было непросто. Одна сплошная пробка. «Рано или поздно допрыгаются все эти транспортники. Будут пешком ходить в свое министерство, – размышлял Илларион, осторожно покручивая руль. Не дай бог, очередная коза попадет на дороге и украсит его «бьюик» такой же отметинной, как та автолюбительница! И вместо новых книг все деньги уйдут на ремонт машины. – Вот почему бы не сделать, как в Токио? Там же столько транспортных развязок, тоже, конечно, есть проблемы, но не до такой же степени, когда я должен пять километров ехать за чадающим автобусом и ждать, когда он уберется куда-нибудь или перестанет пускать мне клубы дыма под нос. Второе маловероятно, я задохнуться успею, а он будет себе волочиться. Сплошной бардак. Поглотят скоро Москву пробки. Но, с другой стороны, если подумать, такое развитие событий не так уж плохо. Меньше машин, да и воздух станет чище. Какой смысл будет куда-то ехать, если все равно где-нибудь на пути намертво встанешь? Конечно, смысла никакого». Илларион курил сигарету и стоял в пробке, ощущая, как напряглась его спина. Он вольготно откинулся на спинку сиденья, он мог позволить себе такое положение хотя бы потому, что имел приличный водительский стаж и на изменение дорожной обстановки реагировал быстро. Такой позор, как с той девицей, с ним бы не случился. Чтобы не терять времени даром, достал из кармана любимого жилета мобильник и позвонил знакомому, новоявленному владельцу автосервиса.

– У меня для тебя две новости. Одна хорошая, а вторая плохая. Начну, пожалуй, с плохой. Коньячку ты сегодня ни при каких обстоятельствах не дождешься. Меня мазнули в бок на Ленинградке, а тут пробки, так что я домой возвращаюсь. А теперь новость номер два. Поцарапан мой конь, и ему нужен ремонт. Так что я заеду к тебе на неделе.

– Вот, Забродов, даешь! Расстроил ты меня. Я думал, ты приедешь, коньяк попьем... А ты лишил меня заслуженной награды.

– Не факт, – засмеялся Илларион. – Награду еще заслужить надо. А резина пока у меня еще летняя. И конюшни я твоей не видел. Машина хоть проедет в гараж твой?

– Обижаешь, Илларион. У меня гараж на десять твоих «бьюиков», хоть на танке заезжай.

– Заеду как-нибудь. Счастливо, – едва положив трубку, Илларион резко ударил по тормозам. «Вначале разгонятся, а потом тормозят резко. Нет никакой размеренности. Верно говорят: как живут, так и ездят. Жить любят с шиком и ездить так же. Только часто этот шик заканчивается плохо, со всеми вытекающими последствиями. Передозом, лечением за границей, машинами, смятыми в гармошку. Нет чувства меры. Можно ехать спокойно. Не спешить, раньше ведь все равно не приедешь, а в кювете окажешься или на встречную вылетишь. Нет, все равно летят. А потом статистика: 40 000 смертей в год на дороге», – рассуждал Илларион, чувствуя, как с недавнего времени его начало раздражать вождение машины. Он устал от постоянного напряжения, оттого, что, скажем, едущий впереди, мог неожиданно выкинуть какой-нибудь опасный фортель. Илларион чувствовал, будто находится на боевой операции, план которой неизвестен и, кто враги, а кто друзья, точно неясно, и он должен рассчитывать только на самого себя. Так и на дороге. Сам делаешь все правильно, а вот от ошибок других не застрахован, причем часто случается, что попадешься тогда, когда ждешь этого меньше всего.

На Малую Грузинскую он приехал затемно. Повалил густой снег, совсем как зимой. «А еще говорят, глобальное потепление. – с насмешкой подумал Забродов. – Все эти прогнозы – выдумки шарлатанов. Сказать что-то надо, вот и говорят. А на самом деле как оно будет – никто не знает и никто предсказать толком не может. Потому что, скажем, произойдет ядерный взрыв, и кто сможет сказать, как изменится климат? Никто. Будут только одними вероятностями кормить».

Забродов осторожно заехал во двор, чтобы не натолкнуться на какого-нибудь местного лихача, возомнившего себя королем дороги. Знал он и таких и сочувствовал им, не слишком приятно столкнуться со столбом или деревом, а еще хуже сбить пешехода. Илларион искал свободное место и неспешно припарковал машину между двумя джипами, с филигранной точностью парковщика номер один в мире – расстояние было выверено до миллиметра. «А что, смог бы и чужие машины парковать, – рассудил Забродов, довольно оглядывая свой «бьюик», который к утру обещал быть припорошенным снегом. Закурил сигарету и присел на корточки перед дверцей, провел по ней рукой и покачал головой. – Хотя общественным транспортом пользуюсь, когда на дороге с такими водителями повстречаешься. Дернуло же меня сегодня резину менять. Ну, посидел бы дома лучше, прогулялся, разобрался бы с книгами, а в итоге вышло, что за день ничего толкового не сделал: ни с книгами не разобрался, ни резину не поменял и еще теперь получил ремонт себе в подарок как награду за проявленную инициативу». В дворике было темно, тем не менее Забродов почувствовал что-то странное. Не то чтобы за ним кто-то следил или крался (это бы он сообразил сразу, иначе грош цена ему, если не может себя защитить), а вот какое-то другое чувство его охватило, будто бы забыл что-то важное. «Точно, – Илларион хлопнул себя по лбу. – Марату Ивановичу обещал позвонить. Про книги новые узнать. Эх, поздно уже, наверное». И тут взгляд Забродова упал на машину, стоявшую перед его «бьюиком», как будто бы он ее только что заметил, а парковался с завязанными глазами, демонстрируя самому себе искусство высшего пилотажа и доказывая, что со счетов его списывать еще рано.

«„Форд эксплорер“... и номер как будто знакомый», – Илларион, докурив сигарету, бросил бычок в лужу и подошел к машине ближе, да так, что со стороны могло показаться, будто это нерадивый автоугонщик, размышляющий, угнать или не угнать. Глянул на левую фару. Разбита. «Вот это да! А еще говорят, что Москва – большой город. Ничего подобного. Выходит, даже очень маленький, раз хозяйка этой машины живет в моем подъезде. А ну-ка...» – Илларион даже развеселился, как будто встретил старого знакомого, с которым не виделся много лет и не раз выбирался из таких переделок, о которых потом и вспоминать страшно. Забродов повел себя совсем как хулиганистый мальчишка или неумелый автолюбитель, считающий, что его машину подперли. Он что есть силы пнул носком ботинка по колесам. Несколько раз. И отошел в сторонку, глядя по сторонам, кто сейчас выйдет. Занимавшийся морозец пощипывал руки. Забродов не ошибся. Буквально минут через пять дверь подъезда распахнулась и оттуда выбежала девушка в одном халате; по всей видимости, она снимала макияж или принимала ванну. Забродову на какое-то мгновение даже совестно стало, что потревожил ее, а потом вспомнил, как она его с деньгами посреди дороги стоять оставила, и засмеялся.

– Место встречи изменить нельзя. Меткая фраза, не правда ли?

– Если вы хотите узнать мое мнение о вашем чувстве юмора, то собираюсь вас огорчить. У вас его совсем нет! Вы ненормальный какой-то и просто меня преследуете!

– Очень интересная версия. Особенно если учесть, что я тоже живу в этом подъезде. Мне что, прикажете дома не появляться, пока вы здесь живете? Между прочим, я могу обвинить вас в слежке! И кстати, на улице минусовая температура, а вы в халате и тапочках. Я думаю, что совсем не похож на угонщика. Мне ваш сарай не нужен, – Забродов показал рукой на ее машину. – Потому нам необязательно закаляться. С непривычки, знаете, можно и простудиться.

Девушка покраснела и, кажется, только что догадалась, в каком виде предстала перед Забродовым. Причем смутилась так сильно, что можно было подумать, что в таком виде она перед мужчинами никогда не появлялась, даже в собственной квартире. Однако, когда первая растерянность исчезла, она не смогла удержаться, чтобы не обвинить Забродова в своем непрезентабельном виде.

– Это все из-за вас! Я плакала из-за того, что вы на меня кричали и не захотели уступить дорогу, а теперь я мерзну и могу заболеть, потому что непонятно какая дурь заскочила вам в голову и вы пнули мою машину. И никакой это не сарай, а очень хороший внедорожник, гораздо лучше вашего.

Последнее замечание имело своей целью уязвить Иллариона, однако он пропустил его мимо ушей. Для полного счастья еще не хватало спорить с женщиной о технических достоинствах и недостатках того или иного автомобиля.

– Лестно, что все в вашей жизни происходит из-за меня. Говорит ли это о том, что я имею в вашей жизни какое-то значение? Может быть, наша встреча – знак судьбы?

– Скорее знак того, что фортуна повернулась ко мне задом, – сердито прервала его девушка.

– Зато ко мне передом, – парировал Забродов. – И хватит ссориться, в мире и без того происходит очень много неприятных вещей. Соседи должны жить дружно.

Девушка фыркнула.

– Вы прямо как Кот Леопольд.

– А вы скоро будете похожи на Снежную королеву. Болтать на отстраненные темы с вами приятно, но боюсь, как бы вы не заболели, поэтому давайте лучше зайдем в подъезд.

Они вместе зашли в подъезд, причем Катя не позволила пропустить себя первой, чем смутила Забродова. Между ними висело какое-то неловкое молчание, и Забродов поспешил разрешить его вполне подходящей репликой.

– Позвольте представиться: Илларион.

– Катя, – девушка, как ни пыталась изобразить из себя чрезвычайно мужественную женщину, все же дрожала от холода. Шла она позади Забродова, по всей видимости немного его побаиваясь.

«Неужели я такой страшный, что меня следует бояться? – подумал Забродов. – Может она действительно думает, что у меня не все дома? Что это за ребячество – пинать чужую машину, а потом еще любезничать во дворе, стоя в дубленке, когда твой собеседник кутается в тонкий халатик». Забродову стало стыдно за свое поведение, и он подумал, что было бы хорошо отмотать время назад и, как из фильма, вырезать неудачные кадры.

Катя внезапно остановилась.

– Идите.

– Куда? – не понял Илларион, стоя на лестничной площадке перед своей квартирой. – Я уже пришел. Или, может быть, вы хотите, чтобы я забрался на крышу?

– Очень смешно. Видимо, вам не говорили, что невежливо так пристально смотреть на незнакомую девушку, как смотрите вы.

– То есть? Слишком строго?

– Нет, – пояснила Катя, нисколько не растерявшись. – Вы смотрите на меня так, как будто я вам что-то должна. Если ждете, что я приглашу вас к себе домой, то не дождетесь. Я девушка строгих правил.

– Да я не думал о вас ничего плохого. – Илларион вконец растерялся, так не терялся он даже тогда, когда в автомате закончились патроны, а его пытались выкурить из помещения гранатами. – И ничего вы мне не должны. Просто я так смотрю на вас, потому что ваше лицо мне незнакомо. А человек всегда обращает внимание на незнакомые лица; кроме того, вы девушка приятной наружности...

– Хватит! – перебила его Катя. – Что вы скажете дальше, я уже знаю. Так что продолжать не стоит. И дайте мне пройти.

– Разве я такой большой, что занял всю площадку? Проходите, места достаточно.

– Нет! Вы меня не поняли! Я хочу, чтобы вы зашли к себе домой и закрыли дверь. Только тогда я пройду. Откуда я знаю, что вы задумали? Может, вы ждете, чтобы я открыла дверь, и ввалитесь за мной следом?

– Интересная мысль, особенно если учесть, что ваша дверь открыта. Об этом ясно говорит нижний замок. Вот, посмотрите. И Илларион, сделав два шага вперед, потянул за ручку двери квартиры напротив. Дверь легко подалась.

– Тем более уходите. – Катя была упрямой и настаивала на своем, хотя от Забродова не ускользнула некая растерянность, отобразившаяся на ее лице. Должно быть, она была удивлена (как же так, позабыла закрыть дверь), но не хотела признавать своей ошибки перед этим странным соседом.

– Вы сегодня не в духе, Катя. Смотрю на вас и думаю: интересно, какое же у меня тогда должно быть настроение? Ехал в автосервис менять резину, встретился с вами. Поцарапал машину. Потом – короткий диалог с не самыми воспитанными представителями нашего общества. Забыл сделать важный звонок, не перебрал книги, и такой солнечный день ушел в прошлое, оставив мне одно разочарование. Кто виноват и что делать?

– Виноваты всегда мужчины, – тоном не терпящим возражений ответила Катя и, несколько смягчившись, с любопытством спросила, игнорируя второй вопрос Иллариона: – А что за книги?

– Разные, – уклончиво ответил Илларион. – Меня интересуют редкие издания. Антиквариат.

– Хм... не обижайтесь, но вы совсем не похожи на любителя книг.

– Это почему? – искренне удивился Забродов и даже немного обиделся. Ему-то лучше знать, что он любит, а что нет, а Катя по его лицу судит об его интересах.

– Лицо у вас... – она задумалась, силясь подобрать эпитеты.

– Страшное, что ли? – переспросил Забродов.

Он почувствовал себя неприятно, как будто Катя его оскорбила.

– Да нет. Не страшное, – поспешила она его успокоить. – Лицо как у военного.

– А... Тогда понятно. Вы хотите сказать, без капли интеллекта. Так? – уточнил Илларион. Катя заметно смутилась.

– Нет... нет... Что вы. Я вовсе не хотела этого сказать.

«Конечно же, не хотела. Как выворачивается теперь, будто бы не догадывается, что у нее на лице все написано. Женщины – хитрые существа... Думают одно, а говорят другое. Ведь только что собиралась убежать от меня, прятаться в своей квартире, а теперь спокойно стоит на лестничной площадке и разговаривает со мной, как со старым знакомым», – подумал Илларион и из чистого любопытства взглянул на часы, чтобы оценить, сколько же времени они потратили на болтовню.

Катя изменилась в лице.

– Я вас обидела? Нет, что вы, я не хотела! Вы не подумайте! Я не говорила, что вы необразованный...

– Да не в этом дело. Я просто подумал, как мы посмотримся со стороны. Дверь в вашу квартиру открыта, вы стоите в халате, я в верхней одежде, и мы пытаемся наладить общение в такой, мягко говоря, непрезентабельной обстановке. Почему бы вам не переодеться и не заглянуть ко мне на чашечку чая? Если вы так интересуетесь книгами, я мог бы показать вам свою коллекцию. Уверен, кое-что вас бы заинтересовало.

– Еще чего! – фыркнула Катя. – Здравствуйте. В гости к незнакомому мужчине. За кого вы меня принимаете, Илларион? Еще не прошло и суток со времени нашего знакомства, а вы наглеете еще больше и зовете меня к себе в квартиру.

– Это можно расценивать как добрососедский жест. В конце концов, вы сегодня подбили мою машину.

– Мы квиты. Я отдала вам деньги. И вы еще имеете совесть попрекать меня, когда из-за вас я бросила все свои дела и выбежала на улицу?! Вы еще и хам, Илларион. Жуткий зануда и мужлан.

– Лестная характеристика, особенно если учесть, что вы меня совсем не знаете. Скажите, Катя, вы ведете себя так со всеми мужчинами или только с такими типами, как я?

– Я веду себя так только с теми, кто не знает правил хорошего тона, – решительно заявила Катя и, проявив неожиданную смелость, подошла к открытой двери своей квартиры, хотя раньше и приблизиться боялась. – А теперь дайте мне пройти.

– Пожалуйста. Чтобы вы не пугались, я выйду из подъезда или залезу на крышу, – съязвил оскорбленный Забродов.

«Нет, все-таки оформившаяся стерва, – решил про себя Илларион. – Я с ней по-человечески разговариваю. Хочу, так сказать, раззнакомиться, а она крысится на меня. Бывают же такие женщины, которые любят всем испортить настроение. И вообще, откуда она взялась? Что-то раньше я ее здесь не видел».

Забродов счел за лучшее зайти в свою квартиру, а не стоять в рассеянности посредине площадки, как какой-нибудь памятник на городской площади. Повесил дубленку в прихожей, вымыл руки и только собрался переместиться на кухню, чтобы чем-нибудь поужинать, как в дверь затрещонили.

«Кого нелегкая принесла», – с раздражением подумал голодный Илларион, и на какой-то момент мелькнула мысль не открывать. Но трещонили так, что не открыть было невозможно. Как обычно, в самые неподходящие моменты появлялся генерал Федоров.

– Не ждали? – засмеялся он, бесцеремонно вваливаясь в коридор. – Ты куда подевался? Я тебе полдня звонил...

– Догадался бы на мобильник позвонить...

– Мобильник, – проворчал генерал, передразнивая. И, отдернув штору, выглянул в окно. – В такую погоду все люди дома сидят. Один только Забродов не как все, что-то постоянно ищет и днем и ночью.

Он ухватил одну из книг.

– Только осторожней. Прошу тебя. Это раритетное издание, я за него черт знает сколько отдал.

– Лучше бы коньяка купил хорошего. – Федоров, не разделявший увлечения Забродова, назидательно потряс книгой перед его носом.

Забродов выхватил книгу из рук и поставил ее на полку.

– Ты как? По делу? – осведомился он, пребывая в том настроении, когда меньше всего хочется шутить.

– У тебя вечно одни дела на уме! – притворно обиделся генерал. – Неужели я просто не могу зайти к тебе в гости, проведать, узнать, как ты тут живешь, чем занимаешься и что думаешь. Ты хоть где пропадал сегодня?

– В пробках пропадал, – мрачно ответил Илларион. – И еще в ДТП попал благодаря своей новой соседке.

Федоров заметно оживился.

– Что за соседка? Какая соседка? У тебя не было здесь никаких соседок!

– Не веришь? Зайди в дверь напротив и спроси Катю, она тебе такого наговорит, что не пройдет и минуты, как ты сюда вернешься.

– Молодая? Симпатичная? – словно не слыша, продолжал генерал. Он каждый раз оживлялся, когда на горизонте Иллариона появлялась приятная женщина, и у Забродова возникало такое впечатление, что генерал Федоров больше всего хочет, чтоб он на ком-нибудь женился.

– Молодая и симпатичная. Только вот на язык такая шустрая, что и ты замолчишь. Я ей слово, она мне пять. Я случайно узнал, что она моя соседка, машину ее у подъезда увидел, пнул ногой, а она в одном халате выскочила.

– В халате? – глаза генерала округлились от изумления, будто бы Забродов признался, что не так давно видел инопланетян.

– Ну, в халате. Вот мы и раззнакомились.

– Ну ты и раззява, Илларион, не обижайся, – Федоров расхохотался. – Это же любому понятно. Она тебя соблазнить хотела! А ты, наверное, как обычно, стоял и скромничал, про свой антиквариат ей рассказывал!

– Не знаю, как насчет соблазнить, а настроение она мне испортила. Сказала, что у меня лицо, как у военного, ну, то есть как у тебя, – проворчал Илларион, сядя напротив Виктора в кресло и открывая бутылку коньяка, которую брал с собой в автосервис.

– Так ей что, лицо твое не понравилось? – недоумевал генерал. – Или что?

Иллариона несколько утомляла эта трескотня, и, махнув рукой, он ничего не ответил и разлил коньяк по рюмкам.

– Давай лучше выпьем немного.

Только подняли рюмки, даже чокнуться не успели, как снова звонок в дверь разорвал повисшую в комнате тишину.

«Как проходной двор какой-то, – с неудовольствием подумал Забродов. – Всегда так бывает. Как назло. Когда ты один и хочешь какой-то компании, хочешь душевно поговорить, все заняты и никто не хочет с тобой разговаривать, а уж тем более приезжать. Но когда хочется спокойствия и уединения, обязательно найдется человек, который все разрушит, и ты будешь сидеть с ним, говорить и ждать, когда он оставит тебя в покое».

Он посмотрел в глазок и удивился. Перед дверью стояла преобразившаяся Катя. «Вот те на! – подумал Илларион. – Пришла все-таки, а еще носом вначале крутила. Словом, настоящая женщина. Никогда не поймешь, что у них на уме».

Она нетерпеливо позвонила в дверь еще раз, и Забродов, решив, что сполна насладился удивительным моментом, когда не он, а Катя ожидает под дверью, распахнул ее, стараясь принять невозмутимый вид. Наверное, проще было провозить наркотики через границу контрабандой, чем казаться сейчас спокойным и безразличным ко всему происходящему.

– Да? – спросил Илларион будничным голосом, как будто ожидал от нее какой-нибудь просьбы. Может, соли для супа или гвоздь забить, а может, и лампочку поменять.

Катя нисколько не стусевалась, несмотря на его нарочито нелюбезный вид, словно она предполагала, что именно так он ее и встретит, и сказала:

– Кажется, кто-то приглашал меня в гости. И обещал что-то показать. Только вы не заблуждайтесь по поводу моего прихода. Это не дает вам вседозволенности в поведении. И если вы начнете приставать, я сразу же уйду.

Чем дольше смотрел на нее Илларион, тем нелепее начинал чувствовать себя в повседневной одежде. Он ощущал себя дворником рядом с голливудской звездой на одной фотографии. «Как быстро она привела себя в порядок!» – удивился он, оглядывая ее с ног до головы и мысленно прикидывая, сколько по времени мог занять ее вечерний туалет.

– Я ненадолго. На часик, потом еду в театр, – пояснила она с нетерпением, словно намекала, что пора бы дать ей пройти внутрь, а не держать, как просительницу, на лестничной площадке.

Забродов и сам словно очнулся. «Ах, вот оно что! – с некоторым разочарованием подумал он. – Она в театр собралась, а я-то думал, что для меня нарядилась. Дурак ты, Илларион, так легко наживку заглотил. А еще хвастался когда-то, что читаешь женщин как открытые книги. В общем, 1:0 в ее пользу».

– Проходите Катя. Что я, в самом деле, за порогом вас держу.

– А я уже подумала, что вы меня боитесь, – с насмешкой произнесла Катя, незамедлительно принимая приглашение Иллариона.

Забродов попал в достаточно неловкое положение, двойственную ситуацию, которая требовала принятия решения. «Вот е-мое, – мысленно выругался он. – И генерал Федоров пришел, и Катя еще. Как же так сделать, чтобы Федоров не обиделся и понял мои намеки? Все-таки Катя рассчитывала только на мое общество, да еще чего доброго перепугается. Мало ли что подумает!»

Катя тем временем оглядывалась по-хозяйски. Указательным пальцем провела по стене, проверила, крепко ли держится вешалка, затем посмотрела себе под ноги и произнесла с некоторой задумчивой строгостью:

– А вот ремонт небольшой не мешало бы сделать...

– Подождите меня, пожалуйста, Катя, здесь. Я отлучусь на секундочку.

– Очень вежливо с вашей стороны держать гостя в коридоре. Я и раньше сомневалась в вашей воспитанности, а теперь...

Но что «теперь» Забродов не расслышал, потому что вернулся в комнату, где Федоров, пользуясь моментом забвения, тайком от Забродова разглядывал какой-то томик. Едва Илларион зашел, тот проворно захлопнул книгу и поставил ее на полку, словно застыдился перед Забродовым.

– А вы, товарищ генерал, как я смотрю, любите поэзию, а еще передо мной притворяетесь. – От Иллариона не укрылось это судорожное движение генерала, застигнутого врасплох.

– Ничего подобного, – живо возразил Федоров. – Просто ты застрял в коридоре. Если бы я был невоспитанным человеком, то давно бы выпил твой коньяк. Я же не могу сидеть без дела. Вот и взял книгу с полки полистать.

– Товарищ генерал! – вкрадчиво начал Забродов, раздумывая, как бы это лучше сказать, чтобы он понял все сам и при этом не обиделся. – Тут ко мне соседка в гости пришла.

– Ого! Ну-ка... – генерал необычайно оживился. – Познакомь, Илларион. Вечно ты маскируешь всех своих спутниц. Рассекреть хоть одну, по старой дружбе.

– Нет у меня никаких спутниц, – спокойно возразил Забродов и с внушением прибавил, глядя прямо в глаза: – Товарищ генерал... Может, вы зайдете как-нибудь в другой раз?

– Понял. Все понял! Такое дело деликатное при всех не делается.

– Да нет здесь никакого дела. Просто я приглашал ее в гости до того момента, как пришли вы, и думал, что она не придет, а она взяла и появилась...

– Да понятно все, Забродов! – генерал дружески хлопнул его по плечу. – Только познакомь меня с ней напоследок! А там уже дело ваше! Делайте что хотите.

Забродов взял рюмку коньяка и вторую поднес Федорову. На ум как раз и тост пришел.

– Товарищ генерал, давайте выпьем за таких замечательных и понимающих людей, как вы!

Виктор пожал плечами, словно не видел в своем поступке ничего особенного, но выпил коньяк и слегка поморщился, быстро ухватив дольку лимона.

Катя стояла в коридоре со скучающим видом, будто бы Илларион приехал с ней в незнакомый город, оставил ее на вокзале, а сам, случайно встретившись со старым приятелем, поехал в бар, чтоб, просидев там до вечера и напившись в зюзя, вспомнить о ее существовании. Заметив Федорова, Катя напряглась и посерьезнела.

– Знакомьтесь. Это Катя, моя новая соседка. А это Виктор... – Илларион несколько ступешался, думая, что лучше прибавить отчество, но не успел.

– Можно просто Виктор, – прервал его генерал, улыбаясь Кате той любезной улыбкой, которую Илларион видел на его лице несколько раз в году. – Мы с ним старые друзья.

– Очень приятно, – ответила Катя и не сопротивлялась, когда Федоров вознамерился остаться джентльменом и поцеловал ей руку.

– Мне уже пора ехать, Илларион. Ты мне потом позвони обязательно.

Забродов кивнул и, закрыв дверь за генералом, тут же засуетился, толком не зная, за что хвататься. Давненько в гостях у него не бывали женщины. Рита уже не приезжала. Они недавно расстались. Федоров не в счет, его он мог встретить в чем угодно, но Катя – дело другое. Она таким взглядом смотрела, что Иллариону начинало казаться, что все вокруг не так и имеет какие-то невидимые изъяны.

– Что вам предложить? Чай, кофе, коньяк? Увы, ужин не предлагаю, раз вы так спешите, да и, если говорить откровенно, ресторанными изысками побаловать не сумею.

– Известное дело. Как и все мужчины, вы ленитесь готовить.

– Почему ленюсь? – запротестовал Забродов, не желавший выглядеть в ее глазах мужчиной с вопиющими недостатками. – Просто это не моя стихия. Я бы мог приготовить что-то особенное, но не вижу в этом смысла, да и не стремлюсь. У каждого человека есть такое занятие, которое увлекает его, захватывает, и тогда получается что-то достойное. А готовка, скорее прерогатива женщин.

Он провел Катю в комнату и, заметив ее неодобрительный взгляд, спешно спрятал бутылку коньяка.

– Это мы с Витей пригубили немного по случаю. У него день рождения был недавно. Вот мы и отпраздновали, – Илларион не собирался признаваться, что, когда к нему заходили давние знакомые, он мог позволить себе немного выпить.

– Я уже все поняла. А откуда вы Виктора знаете? – с любопытством спросила Катя. – Мне почему-то показалось, что он артист. У него такое интересное лицо...

«А у меня, значит, военное и неинтересное, – расстроился Забродов. – Вот так всегда бывает. Не ты нравишься женщине, хоть из шкуры вон лезь, а твой друг, который увиделся с ней мельком и ничего даже не предпринял, чтобы ей понравиться. Это какая-то вселенская несправедливость. И почему она приняла его за артиста?»

– Я давно его знаю. С самого детства. И кстати, он не артист, а генерал, – Илларион не удержался, чтоб не развеять ее фантазии.

– Вот как? – она удивилась. – Никогда бы не подумала, честное слово, такой галантный.

– Конечно, не подумали бы, – с некоторой обидой ответил Забродов, намекая на ее недавние отзывы в свой адрес. – Особенно после такого неотесанного солдафона, как я. Кажется, вы это имеете в виду?

Катя не смутилась и отреагировала достаточно живо, словно опротестовывая несправедливый приговор.

– Что за чушь! Я никогда такого не говорила! Вот сейчас вы ведете себя совсем иначе. Я только сейчас отошла от того первого впечатления, которое вы о себе оставили. А теперь я вижу, что вы совсем другой...

– Человек не может меняться так быстро, – задумчиво ответил Илларион. – Я бываю разным, но кричу достаточно редко. А на женщин в исключительных случаях, так что если я вас сильно обидел, то хочу извиниться. И еще: это касается ваших денег, я отдам вам их обратно. Все равно они мне не понадобятся. У моего знакомого есть автосервис. Он мне бесплатно сделает, я как раз и ехал к нему, а тут такая встреча.

– Забавно, забавно, – Катя впервые улыбнулась. – Может быть, это судьба? Как вы думаете?

– Или просто случайность? – вопросом на вопрос ответил Забродов.

– По-моему, судьба и есть совокупность случайностей. Иногда мы делаем некоторые важные вещи неосознанно. Я случайно нажала на педаль газа и поцарапала вашу машину; если бы я этого не сделала, вы бы поехали дальше на свой автосервис, и, может быть, мы бы так никогда и не познакомились. Здоровались бы, как все соседи, изредка встречаясь друг с другом на лестничной площадке, и все. А так все интересно закрутилось! Как в фильме!

«Может, день все-таки не испорчен? – задумался Илларион. – Может, так и должно было случиться, чтобы я с ней повстречался? В конце концов, все вышло не так уж и плохо. Я здоров, и она тоже. Приятная собеседница, пусть иногда и смахивает на стерву, но, когда ведет себя нормально, вполне милая и добрая девушка. Стоп! Притормози, Забродов, – неожиданно остановил себя Илларион, когда уж совсем размечтался. – Уж не решил ли ты за ней приударить? Вначале был готов голову ей свернуть за машину, а теперь начинаешь ее оправдывать. Да она моложе тебя в два раза, с чего это ты решил, что она тобой заинтересовалась? Ты для нее обыкновенный сосед!»

– О чем вы думаете, признавайтесь? – прервала его размышления Катя. – Только не делайте вид, что вы ни о чем не думали, а просто устали. Я по лицу вашему видела...

Илларион налил еще чаю в фарфоровые чашечки, которые извлекал из шкафа в особо торжественных случаях. Пользовался ими он достаточно редко, потому что торжественных случаев было как-то маловато, да и Федоров с Сорокиным чай не жаловали. А если случались серьезные проблемы, так не чайку хотелось выпить, а чего-нибудь покрепче. Шутка ли, когда ввязываешься в какое-нибудь опасное дело и совсем не знаешь, чем оно может завершиться, останешься ты жив или нет.

– Думал о том, как хорошо, когда рядом есть приятный собеседник. Одиночество, знаете ли, тоже иногда бывает гнетущей штукой, несмотря на это духовное наследие, – Забродов показал рукой на этажерку с книгами.

– Да, вы правы, – после некоторого раздумья ответила Катя, словно и сама не раз оказывалась в подобной ситуации, когда пообщаться было не с кем, разве что с увлекательной книгой, – часто общение с живым человеком дает гораздо больше, чем прочтение самой интересной книги. У вас шикарная библиотека. Кем вы работаете, если не секрет?

– Солдафоном на пенсии, – отшутился Забродов. – Это мое хобби; пожалуй, этими книгами я готов заниматься вечно. Перелистывать, перебирать, переставлять с места на место. Бывает, возьму наугад какую-нибудь книгу, открою и начну читать. Абзац за абзацем, так и не замечу, как день пройдет.

Катя сделала вид, что удовлетворилась ответом Забродова. Хотя, ясное дело, как и все любопытные женщины, она не отступится от своего и, если захочет, рано или поздно узнает, кто он такой. Жизненный опыт научил Забродова скупко делиться информацией о своей жизни. Может быть, именно поэтому он и жил до сих пор один, потому что доверительные отношения предполагают искренность с обеих сторон, а вот Забродов не мог быть искренним во всем по вполне понятным причинам. Чтобы его скрытность не испортила о нем впечатления в глазах гостей, он в свою очередь поинтересовался, чем же занимается Катя.

– Я студентка. Учусь на четвертом курсе. Факультет психологии.

– Это выходит, что вы и меня можете по полочкам разобрать? Угадать все мои мысли? Женщина-психолог – это, наверно, что-то вроде экстрасенса.

– У женщин, к вашему сведению, интуиция развита гораздо лучше, чем у мужчин.

– Не спорю, – согласился Илларион. – И этим, видимо, объясняется тот факт, что женщин в мире больше, чем мужчин. Конечно, болезни, неправильный образ жизни, войны делают свое дело. Но интуицию тоже не стоит сбрасывать со счетов. Мужчины часто действуют напролом и попадают в неприятные ситуации, а женщины, чувствуя природным чутьем опасность, обходят ее стороной. Может быть, только потому, что так предопределено природой.

– А вы как действуете? Напролом? – усмехнулась Катя.

– Не всегда, – немного подумав, ответил Илларион. – Так можно все испортить. А что, разве я похож на верзилу, который сразу пускает в ход кулаки?

Катя посмотрела на Забродова и звонко рассмеялась, словно он сказал детскую наивность, которой она от него не ожидала.

– Почему вы так решили? – отсмеявшись, спросила она и, не дожидаясь ответа на свой вопрос, добавила, в один момент сделавшись серьезной: – У меня такое чувство, вы только не обижайтесь, Илларион, будто вы что-то недоговариваете, темните и храните какую-то тайну.

– Как все загадочно, – улыбнулся в ответ Забродов, не подтверждая и не опровергая ее догадку. – Но, кажется, для этого вам и дана интуиция, чтобы разгадать мою тайну.

– Я попытаюсь, – пообещала Катя и, допив чай, звякнула чашечкой о блюде. Задумалась и замолчала, а Илларион как заколдованный смотрел на ее длинные и тонкие пальцы. Пребывая в своих мыслях, они не замечали друг друга и, казалось, были способны так сидеть целую вечность.

– А знаете, – прервала молчание Катя, пристально глядя на Иллариона. – Вы ведь очень одиноки. Просто не хотите в этом признаться.

«Ох уж эти женщины, – проворчал про себя Забродов, – вечно им надо твою душу воротить, разбередить все раны и убедить тебя во всякой сентиментальной чепухе, которой, к сожалению, мужчины имеют свойство поддаваться. Или она просто блефует, смотрит и пробует, каков я характером? И какая ей, в конце концов, разница, одинок я или нет. Она что, замуж за меня собралась?»

– Допустим. Это вы говорите с целью предложить мне свое общество?

– Ничего я предлагать не собираюсь, – вспыхнула Катя, как будто Забродов уличил ее в непристойных замыслах. – Я просто констатирую очевидный факт. Это не так уж трудно заметить, как вам кажется. Первый раз вы прокололись, когда пригласили меня к себе домой. Женатый мужчина, который живет с семьей, не будет приглашать к себе незнакомую девушку, а если и будет, то явно не на лестничной площадке, перед глазками всех соседей. В прихожей висит только мужская одежда, нет ни единой пары женских туфель, ни одной сумки и женских перчаток. Как видите, ничего сложного.

Она была права больше чем на сто процентов, Забродов чувствовал это так же ясно, как однажды в горах, ночью, на спецоперации, учуял в местном жителе врага и вовремя метнул в него кинжалом. Только что получится, если он начнет во всем с ней соглашаться? Неизвестно куда заведет она его в своих рассуждениях, запутает и, может так статься, поймает на противоречиях. Илларион промолчал с полуулыбкой на губах, а потом взглянул на часы с явным намеком.

– Кстати, вы же говорили, что спешите в театр? Уже прошло больше часа, и вы наверняка опоздаете.

Теперь он ясно понимал, что театр – это была лишь уловка. «Та еще гордячка, – подумал Илларион. – Решила, чтобы я не зазнавался, не говорить, что вырядилась так ради меня. Ну зачем все эти увертки? Сказала бы честно, что вы мне понравились, Илларион, и я передумала и захотела прийти к вам в гости, и нарядилась только для того, чтобы вы оценили меня по достоинству.

– Ах! – Катя притворно всполошилась, прилежно разыгрывая роль опаздывающей девушки. – Как хорошо, что вы мне напомнили. Я совсем заболталась и все забыла.

– Можете не торопиться, – усмехнулся Илларион, наблюдая за ее наигранной спешкой. – В театр вы все равно не поедете.

– Это почему же не поеду? У меня билет!

– Эх, Катя, Катя, кто же в такое время в театр едет? Вы хоть на часы смотрели? И допустим, даже если бы вы собирались в театр, то тогда вы бы точно не зашли ко мне в гости, потому что до театра женщина всецело сосредоточена на подготовке. Красится, моет голову, выбирает наряды. Неужели вы хотите меня убедить в том, что за час до выхода можете и в булочную побежать, и подружке позвонить, и еще квартиру прибрать?

Она перестала суетиться и, кажется, поняла, что допустила какую-то оплошность, потому что опустила на стул и о чем-то задумалась.

– Интуиция у меня тоже развита, можете не сомневаться. За все время нашего разговора вы ни разу не взглянули на часы, не обмолвились, куда и с кем идете и что будете смотреть. Удивительное безразличие! Особенно для вас, такой утонченной натуры!

Она подняла на него глаза и выпалила в одночасье:

– Если я и обманула вас, это не означает, что вы можете так грубо надо мной подшучивать. И если вы упрекаете меня в этом, то в свою защиту я могу сказать, что за все время нашего разговора я не услышала от вас ни одного комплимента.

«Начинается, – с тоской подумал Забродов. – Опять переходит в атаку и начинает меня упрекать. Зачем вообще было выдумывать эту историю с театром? Это же какой-то детский сад получается: каждый старается обхитрить другого, но это так заметно, что становится смешно. Хорошо, вот ты ее упрекаешь, ну а ты ведь действительно Забродов – солдафон на пенсии. Мог бы сказать девушке пару приятных слов, или совсем разучился?»

Илларион мучительно раздумывал, что бы ей сказать такого приятного, но его размышления прервал телефонный звонок.

– Да, слушаю.

– Забродов? Это Марат Иванович звонит...

– Рад слышать, Марат Иванович. А я сегодня как раз собирался вам звонить.

Илларион чувствовал на себе любопытный взгляд Кати. Она словно следила за каждым его движением и проявляла любопытство ко всему, что было с ним связано. «Я как микроб под микроскопом, – подумал Забродов с раздражением и подошел с телефонной трубкой к окну, став спиной к Кате. – Пусть лучше в спину смотрит со своим неумеренным женским любопытством. Все ей знать надо».

– Илларион, тут... – Марат Иванович говорил так, словно задышался. Он запинаясь чуть ли не на каждом слове, тяжело дыша в трубку и выстреливая рваными фразами. – Дело такое...

– Да какое такое дело, Марат Иванович?

– Помнишь нашего старого друга? Аркадия Николаевича?

– Так... так... Вы про Тихого говорите? – спросил Забродов и почувствовал, как засосало под ложечкой, словно он стоит на краю обрыва. – Не томите душу, выкладывайте.

– Повесился он. Дома, – упавшим голосом прошептал Марат Иванович и замолчал.

Забродову показалось, словно он только что пропустил сильный удар от невидимого противника. Резко отвернулся от падавших за окном снежинок, сделал несколько размашистых шагов по комнате, и сжал трубку так, что еще немного, и она разлетелась бы с хрустом.

– Алло... Пигулевский... – но в трубке послышались гудки; видно, Марату Ивановичу стоило больших усилий сообщить эту новость так, чтобы он мог продолжить разговор и тем более отвечать на неминуемые расспросы.

– Что? Что-то случилось? – с беспокойством спросила Катя, видя, что Забродов помрачнел и прямо при ней откупорил бутылку коньяка и сделал большой глоток, после чего опять подошел к окну.

– Друг. Друг детства повесился, – с печальной растерянностью пробормотал Забродов, рассеянно наблюдая за падающим снегом. Услышав страшную новость, он все не мог поверить в смерть Тихого, наверно, оттого, что свершившееся было слишком жутким и трудным для понимания. – Больше сорока лет друг друга знаем. Точнее, знали...

Глава 3

Сентябрьским вечером, когда осень еще не полностью заявила свои права и давала москвичам роскошную возможность насладиться последними теплыми деньками, молодой человек лет двадцати семи стоял с решительным выражением лица у входа в метро и бросал нетерпеливые взгляды на входивших в кафе возле станции метро «Маяковской». Темнело. День обесцвечивался, теряя свои яркие краски. Еще немного – и исчезнет розоватая дымка на небе, поглощаемая мраком подступающей ночи, зажжется яркий свет фонарей и город начнет жить другой жизнью.

Одет молодой человек был щеголевато, словно бросал вызов обществу. Черный деловой костюм сидел плотно по фигуре, подчеркивая крепость торса его обладателя. Молодой человек периодически нервно скидывал руку с часами, не столько для того, чтобы узнать время, сколько для того, чтобы подчеркнуть свой статус, который, впрочем, никого не интересовал в этом обычном кафе. Место встречи выбирал не он. Евгений Чуб никогда бы не решился назначить встречу в такой забегаловке. «Надо быть полным идиотом, чтобы назначить встречу в таком затрапезном месте, – с раздражением подумал он, в который раз глядя на усталым взглядом. – И надо быть полным ублюдком, чтобы опаздывать на такую важную встречу. Распоряжаются своим временем так, будто собираются жить никак не меньше тысячи лет». Беспокойный взгляд его то и дело падал на новенькую «БМВ», стоявшую возле кафе, свою любимицу, которую он недавно приобрел в кредит.

Прошло еще несколько минут, руку с часами он скидывал все чаще, и, глядя на него со стороны, можно было подумать, что он ждет любимую девушку и сердится оттого, что точно знает, что сегодня она так и не явится.

Но он оживился, когда у входа появился молодой человек невысокого роста, в черных джинсах и красном свитере, с пухлым кожаным портфелем в руках. Надменный взгляд Евгения Чуба встретился с ищущим взглядом молодого человека, который застыл у входа, словно был в этом кафе впервые и растерялся в незнакомой обстановке.

«По Сеньке и шапка, – подумал Чуб, мысленно насмехаясь над парнем, направившимся к нему с радостной улыбкой, словно они были закадычными друзьями и не виделись неизвестно сколько. – И одет как лох полный, впрочем, как обычно. Теперь понятно: это замшелое кафе – предел его жизненных мечтаний».

Игорь Охотников радостно подскочил к столику и, вместо того чтобы протянуть руку своему старому приятелю Чубу, в растерянности ухватился за спинку стула, а потом, словно сообразив, какую допускает оплошность, собрался протянуть руку, но Чуб едва заметно, с царственной небрежностью кивнул. Сидел он не шелохнувшись и руку, конечно же, подавать не спешил. Охотников напряженно опустил на стул. Евгений Чуб взглянул на него с презрением, он никогда не уважал людей с подобными манерами, не умеющими вести себя культурно в обществе, и считал, что такие люди часто попадают в какой-нибудь переплет. «У него все на лице написано. Ничего спрятать не может. Читай как раскрытую книгу. Теперь мне понятно, чего он в журналистику подался. Там таким ублюдкам и место». С недавних пор Евгений Чуб начал относиться ко многим своим знакомым с пренебрежением и насмешкой, несколько выходящая себя над ними, и это чувство с ростом его успехов только усиливалось. А он делал неплохую карьеру! Для своих двадцати семи он неплохо зарабатывал по московским меркам, мог позволить себе снимать квартиру на Кутузовском проспекте, каждую пятницу отдыхать в престижном ночном клубе. Летом – отдыхать в бассейне Карибского моря, носить дорогую одежду и входить в общество элитарной публики. Работа ему нравилась, и Чуб работал с остервенением, без которого в его деле обойтись было нельзя, да и, наверное, без него не обойтись всем людям, желающим построить успешную карьеру.

Евгений Чуб, успешно окончив университет, решил податьсь в риелторы, прошел стажировку и без какой-либо протекции вырвал место под солнцем в престижной компании «МосРиэлт». Поначалу он не мог рассчитывать на доверие и был под ежечасным наблюдением. Сперва занимался недвижимостью на рынке вторичного жилья. Природа наградила Евгения острым умом и располагающей внешностью: улыбаясь и говоря несколько вежливых фраз, он ловко втирался в доверие к людям; произнося то, что люди хотели бы услышать, он ловко расставлял наживку, и люди проглатывали не сомневаясь. Таким образом он продавал неудачные квартиры за вполне приличные деньги. Делая успехи на своем поприще, он обратил на себя внимание начальства и был вознагражден за свое рвение тем, что его допустили к продажам квартир из новостроек. Евгений оправдал это доверие, развернув бурную деятельность, работая с утра до ночи и лишь в пятницу напиваясь до беспамятства, чтобы хоть как-нибудь расслабиться. Рвение его легко объяснялось тем, что от каждой проданной квартиры ему шел неплохой процент, и чаще всего этот процент выходил в несколько раз больше его месячной зарплаты. Тем не менее Чуб не останавливался на достигнутом и, приобретая связи, годам к тридцати рассчитывал открыть собственное риелторское агентство.

Он и нервничал потому, что не привык распоряжаться временем так небрежно, как мог позволить себе Игорь Охотников, мелкий журналист из какой-то там газетенки. Чуб брезгливо оглядывал его с головы до ног. Охотников походил на студента. Небритый, с взлохмаченной шевелюрой, взглядом безумного гения, изобретение которого отказывается понимать мир, он улыбался так активно, словно хвастался своей голливудской улыбкой.

Охотников был ровесником Чуба и дружил с ним уже несколько лет, если это можно было назвать дружбой. Чуб, пока его карьера не обещала значительных успехов, иногда скучал и потому за неимением лучшего досуга встречался с Охотниковым, они шли куда-нибудь, знакомились с девушками, в общем стремились как-то убить время в веселой компании. Но когда обстоятельства переменились и Чуб был занят круглые сутки, а Охотников продолжал бегать по газетенкам со своими статьями, их дороги разошлись: Чуб считал ниже своего достоинства водить дружбу с таким человеком и не мог позволить себе появляться на людях в обществе Охотникова. Охотников не обиделся, хотя бы потому, что увлекся журналистикой и получил второе высшее образование, поначалу он учился на экономиста. Ирония судьбы заключалась в том, что в итоге карьера бывших друзей была связана со строительством. Только если Чуб собирал сливки, то Охотников подметал полы и, расшаркиваясь в своей газетенке перед шефом, рассчитывал на небольшую премию, когда Чуб зарабатывал в разы больше. И вот теперь они смотрели друг на друга, как на классовых врагов, которых общее дело свело за одним столом.

– Ты пунктуален, – не без издевки заметил Чуб. – Мне всегда говорили, что у газетчиков много дел.

– Мы с тобой, брат, по одну сторону баррикад работаем, – заметил Охотников. – Только дел у меня гораздо больше, чем у тебя. Тут, Женька, можешь со мной даже не спорить. Мне надо материал подготовить, потом просмотреть все, успеть в срок, доделать, переделать. А ты квартиру продал, день рабочий закончился и иди гуляй как ветер.

– Да... Я вот тоже думаю в журналистику податься, – на его манер продолжил разговор Чуб, которого чрезвычайно раздражила высокомерная реплика Охотникова, самоуверенного без какой-либо на то причины. – Там, знаешь, совсем другие бабки крутятся. Что я квартирами занимаюсь! Банальщина! А ты можешь писать интересные статьи. Творчество. Деньги хорошие.

– Подожди! – нервно остановил его Игорь, закуривая сигарету. – Ты что, хочешь сказать, что все упирается в деньги? Так получается?

– Время – деньги, – веско изрек Чуб и шелкнул золотой зажигалкой. Не мог он обойтись без таких дорогих вещичек, их покупка оправдывалась хотя бы тем, что можно было показать свое место таким, как Охотникову. – А, не бери в голову. Счастье, брат, в любви!

– Издеваешься, – покачал головой Охотников.

Чуб не решился что-либо заказывать из блюд, опасаясь, что в этом кафе отвратительная кухня и он отравится, когда впереди веселая ночь в клубе и похмельное субботнее утро.

Охотников заказал спагетти с морепродуктами и бутылку пива. Чуб ограничился бутылкой воды. Поймав на себе недоуменный взгляд, лениво мотнул головой к окну:

– Я на колесах.

Охотников изобразил на своем лице искреннюю радость за Чуба, когда тот, словно речь шла о покупке какой-нибудь мелочовки вроде зубочисток или пачки сигарет, сообщил о том, что купил новую машину, из тщеславия умолчав, что тридцать штук достались ему в кредит.

Чуб с отвращением наблюдал за тем, как ест Охотников. Игорь жадно жевал, пил пиво из горлышка, когда рядом стоял бокал, и успел заляпать вокруг себя весь стол, так что Чуб предусмотрительно отодвинулся от стола, чтобы ненароком не запачкать свой костюм.

– Ну, – поторопил Чуб, когда стало очевидно, что Охотников может сидеть так целый вечер, попивая пиво. – Давай ближе к делу. Сколько ты готов выложить мне за информацию?

– А у тебя есть информация? Не шутишь? Документы сможешь достать? Мне факты нужны, факты, понимаешь? – говорил Охотников с горящими от жадности глазами, перегнувшись через стол к Чубу и дыша на него пивом.

«Вот урод, – с неприязнью подумал Чуб. – Наверняка уже воображает, как его хвалит шеф, жмет его потную руку и выпивает с ним бутылку водки в своем кабинете. Выслужиться хочет, собака».

– Достать смогу. Вопрос в деньгах. Ты пойми, не так просто получить доступ к документам. И учти, я смогу отнять только копии, оригиналы никак.

– Да какая разница! Главное, чтобы документы были настоящие. Понимаешь?

Чуб смотрел на него холодно и спокойно. Охотников, напротив, выглядел взбудораженным, словно еще один шаг – и он сделает открытие мировой важности.

– Достану, – снова пообещал Чуб и повторил свой вопрос: – Сколько заплатишь?

– Да сколько надо. Ради такого не жалко! – махнул рукой Охотников, словно деньги для него всегда стояли на последнем месте. Может, так и было, если учесть, что он был фанатиком своего дела, куда угодно был готов сунуть нос, только бы в газете напечатали его статью и еще желательно со скандалом и громкими разоблачениями.

– Пятнадцать штук, – сказал Чуб и вперился в Охотникова испытующим взглядом. Тот растерялся, словно не ожидал услышать такую цифру.

– Пятнадцать? – переспросил с растерянностью Охотников, как будто хотел, чтобы Чуб сказал: «Нет, друг, тебе показалось».

Но Чуб повторил с ухмылкой.

– Пятнадцать. Ты же сам сказал мне: говори, сколько надо. Вот я и сказал. Только давай так договоримся: деньги вперед, а потом информация. Тут вообще дело скользкое, и я многим рискую, ты должен это прекрасно понимать, – напомнил Чуб и, неожиданно хлопнув Охотникова по плечу, добавил: – Но чего не сделаешь ради друга! Я готов рискнуть! Только можно один вопрос?

– Давай, – вяло кивнул Охотников, не пытавшийся спорить с Чубом по поводу цифры, так как знал, что бесполезно: раз Чуб решил что-то – его уже не переубедишь.

– Ты мне скажи, что ты потом собираешься делать, когда все это на газетные страницы выплеснется? Ты хоть представляешь, какая шумиха поднимется? Вдруг твоя инициатива не найдет одобрения?

– Найдет, – уверенно кивнул головой Охотников, словно сам давал себе одобрение на осуществление задуманного плана. – Точно знаю, что найдет. Я реально классную статью напишу, просто понимаешь, мне нужны факты. Без них разоблачения не выйдет, а получится одна клевета.

– Ну, допустим, – лениво усмехнулся Чуб, – разоблачишь ты их, и что дальше? Думаешь, премию получишь, похвалу от начальства?

– Что ты как маленький совсем, ничего не понимаешь! Меня повысят, доверят что-нибудь серьезное, и я перестану быть мальчиком на побегушках. Разве так сложно догадаться?

«Нет, это ты ничего не понимаешь, – думал Чуб. – Не понимаешь, куда суешь нос и чем все это может закончиться. Хотя мне какая разница, чем все это закончится? Я тебе намекнул, парень, что могут ногами вперед вынести, но ты думаешь в Бэтмена поиграть, стать героем, разоблачающим злодеев. Не надо мешать таким людям. Раз хотят, то пожалуйста, возможность попасть в переплет всегда присутствует. А я заработаю на тщеславии этого дурака, которому захотелось славы. Что ж, слава бывает и посмертной. Это в лучшем случае, на что он сможет рассчитывать».

– Чего ты так смотришь на меня? Мысли отгадать хочешь, что ли? – спросил Охотников, учуявший, о чем думает Чуб.

– А чего отгадывать? У тебя на лице все написано. Сидишь и думаешь, где пятнадцать штук достать. Ладно, я не из тех, кто на друзьях зарабатывает, могу сделать для тебя исключение. На десятке условимся, только давай деньги все и сразу, без всяких «я тебе буду должен».

– Обижаешь! – Охотников повеселел и с радости заказал еще пива. – словно гора с плеч свалилась. С ног собьюсь, а десятку найду.

«Какой дурак! – думал Чуб. – Ведет себя как последний лох. Я его на деньги развожу, а он еще радуется и спасибо говорит. Но это не моя беда, что он лох, я его таким не делал. А какой дурак от дармовых денег станет отказываться? Сразу треть кредита погашу, там еще месяц-два – и рассчитаюсь за тачку, если все пойдет как надо, а этот лох успокоится и геройствовать больше не будет. Нельзя быть героем посмертно дважды».

Евгений Чуб вновь взглянул на часы и отодвинулся от стола.

– Что, уже уходишь? – расстроился Охотников, глядя на него так, словно были еще тысячи важных тем, которых они обсудить не успели.

– Да, мне пора ехать. Короче, как найдешь деньги, отзовишься мне, и мы договоримся о встрече. Хорошо? Только не тяни резину, Охотников. Будь пошустрее.

Охотников машинально кивнул и, по всей видимости, мыслями уже был в будущем, быть может домечтавшись до кресла главного редактора газеты, в которой он работал. Охотников был уже пьян, и потому мечты бежали легко и быстро, разрастаясь и расширяясь, застилая собой горизонты сознания и затуманивая реальность. Он замечтался настолько, что не заметил, как опустело кафе и на столике давно лежал счет. Он сидел безмолвный и безучастный ко всему и прихлебывал пиво.

* * *

Перед выходом Евгений Чуб еще раз оглянулся, не в силах отказать себе в желании лишний раз подтвердить свое превосходство над Охотниковым. Тот сидел как изваяние, как будто медитировал. Чуб не сдержал ухмылки и вышел. «Станный какой-то. Чем только люди не занимаются, куда только не лезут, – рассуждал Евгений Чуб, глазами ища свою новехонькую машину, которую припарковал близ кафе. – Нет, чтобы сразу выбрать перспективную отрасль и там делать карьеру, хотя бы как я, он бросается в какую-то журналистику, думает о каком-то разоблачении! Награда! Похвала! Воображаемые регалии. Лучше бы Охотников честно признался, что хочет денег, много денег, я бы его сразу понял и стал, наверно бы, уважать. И было бы за что. И сразу все стало бы понятным, человек рискует ради денег. А так, сидит как луна-тик. Идиот!»

Машина приветливо моргнула фарами, встречая своего владельца. Чуб отворил переднюю дверцу, нагнувшись, бросил на соседнее сиденье портфель, после оправил пиджак и, сев

на кресло боком, отряхнул лаковые туфли, постучав одной ногой о другую. После проделанных манипуляций завел двигатель, заблокировал двери на случай, если лихой вор вознамерится выкинуть его на ближайшем светофоре, и со всей осторожностью, на какую был способен, занял свое место в транспортном потоке. Движение было интенсивное, и потому он подавил в себе желание позвонить прямо сейчас своему шефу. Слишком велик риск. Он решил немного подождать, а лучше сразу поехать к шефу, без звонка. Так даже надежнее будет. Его должна заинтересовать информация подобного рода. Вряд ли он любит таких непризнанных героев, как Охотников, особенно если учесть, что журналюга собирается косвенно вставлять палки в его бизнес. «Я все расскажу, только, конечно, про деньги рассказывать не буду, лучше выглядеть в его глазах бескорыстным парнем, – рассуждал Чуб. – Он должен оценить мои усилия. В конце концов, я не виноват, что смогу поднять свой рейтинг с помощью Охотникова. Он сам под руку подвернулся, все рассказал, и не воспользоваться этой информацией себе во благо тупо». Охотников допустил очень серьезную ошибку, честно рассказав о своих планах. Теперь им вряд ли суждено было сбыться.

Чуб ехал в тишине, думая о том, как может отнестись к его служебному рвению Мячиков Григорий Константинович, то бишь его шеф. Чуб, отъявленный карьерист, не останавливался ни перед какими средствами, только бы продвинуться по карьерной лестнице, и если бы завтра у него появилась возможность застрелить своего шефа или подставить, то он не преминул бы ею воспользоваться. Все в своей жизни, до самых последних мелочей, Чуб измерял деньгами и считал, что соображает правильно, раз делает успехи и зарабатывает с каждым годом все больше. По крайней мере, он не страдал, что его жизненные принципы зачастую противоречили нормам морали, и всецело был озабочен собственным благоустройством. «Сам о себе не позаботишься, – думал Чуб, – никто не поможет. Люди – звери; зазеваешься – не заметишь, как загрызут. Потому надо грызть первым и ни капли жалости. Упустишь момент, простишь – и завтра сам станешь жертвой. Мячиков ценит меня только потому, что я приношу его конторе приличные бабки, и кормит меня бонусами, чтобы я не думал воровать. Но если завтра мои продажи упадут и я сделаю несколько школярских ошибок, он первым же выматерит меня и выгонит с работы на улицу, и с того дня ему будет на меня плевать. Но теперь он убедится, что я не лох и могу узнавать кое-что полезное».

Чуб вел машину уверенно и ловко, перестраивался из ряда в ряд и держал солидную дистанцию на тот случай, если передний «жигуленок» неожиданно затормозит и «БМВ» поцелует его в задний бампер. Кутузовский проспект был запружен машинами. Они тянулись, словно ленивое стадо с пастбища. Чуб, ценивший время превыше всего, начинал раздражаться и нервничать, в сердцах думая, что, будь у него возможность, летал бы по Москве только на вертолете, хотя не факт, что это добавило бы ему удобства передвижения. Где бы он садился на своем вертолете? На крыше многоэтажек? Нет, это все-таки трудноосуществимая идея, есть и проще, которые Чуб, несомненно, претворил бы в жизнь, занимая он кресло мэра и имея в своих руках рычаги власти. Первым делом он бы запретил разъезжать по Москве этим старым колымагам. Сразу стало бы просторнее, и ездить лучше было бы, а так едешь и думаешь, что за лох тащится там впереди. Стукнется в тебя ненароком и будет потом с тобой за машину разбитую всю жизнь расплачиваться. Да и время твое отнимет на всякие судебные дразги и выбивание грошовой компенсации. Нет, как Чуб ни старался, а быть спокойным в пробках не мог: сильно раздражала его дорожная обстановка в Москве.

Когда Чубу посчастливилось добраться до места назначения, тащась долгое время по Кутузовскому, когда под капотом томились реактивные четыре с половиной литра, он первым делом открыл бардачок, сделал несколько глотков минеральной воды и, желая окончательно успокоиться перед важным разговором с шефом, выкурил две сигареты, жадно затягиваясь, словно курил последний раз в жизни. Проводил взглядом брошенные в открытый люк бычки и с облегчением подумал, что для полного счастья ему не хватило нескольких метров: попасть

колесом в открытый люк и познать со дня приобретения автомобиля неприятные хлопоты, связанные с этим. Он ослабил галстук и вытянул ноги, отрегулировав сиденье таким образом, словно лежал на шезлонге. «Засиделся я с этим Охотниковым, – Чуб, взглянув на часы, с неудовольствием обнаружил, что уже одиннадцать часов вечера, и на какой-то момент задумался, стоит ли набирать Мячикова. – Интересно, чем сейчас занят шеф? Дрыхнет как сурок или с женой своей прыгает на кровати? – при этой мысли Чуб невольно поморщился от отвращения. Перед глазами замаячил образ Мячикова. Откормленный как кабан, с одутловатым тройным подбородком и блестящей лысиной, влажными толстыми пальцами, он ни при каких обстоятельствах не мог походить на красавца, что, судя по всему, с лихвой компенсировал должностью генерального директора и соответственно толщиной кошелька. Жена, по мнению Чуба, была у него что надо, ни дать ни взять настоящая красавица. И где он такую откопал? Чуб был бы сам не прочь наставить рога своему шефу, только не готов был рисковать своей карьерой ради бабы. Такие, как Мячиков, ничего не спускают своим конкурентам и отыгрываются по полной программе, дай только случай. А может, жирный ублюдок опять в сауну уехал? Интересно, ему и в самом деле мало или он пытается доказать парням вроде меня, что он еще тот мачо и даст нам фору?» Некоторое время, думая о подобной ерунде, Чуб мысленно подготавливался к разговору и все никак не решался потревожить шефа в столь поздний час. «Лучше все-таки, наверное, позвонить, чем сразу вваливаться в квартиру без предупреждения, – решил Чуб, посомневавшись еще с минуту. – Даже самая мелкая промашка с моей стороны чревата увольнением». Все еще сомневаясь в правильности своего поступка, Чуб, приложив трубку к уху, глядел на дверь подъезда, словно дожидаясь, что из нее кто-то выйдет.

Мячиков долго не брал трубку, так что Чуб ухмыльнулся, мысленно представляя себе картину происходящего там действия и дряблосе, рыхлосе, как тесто, тело своего шефа, который, казалось, так бы и расплылся, если бы не рубашка, брюки и пиджак, придававшие ему хоть какую-то форму. Но вопреки догадкам Чуба, собравшегося класть трубку, Мячиков все-таки ответил каким-то взбудораженным и нервным голосом, что частично могло подтвердить недавние размышления Чуба.

– Григорий Константинович, извините, что так поздно.

– Рано еще, Женя! Мог бы на три часа позже звонить, чтобы наверняка не разбудить, – с сарказмом произнес Мячиков, и по его голосу было нетрудно понять, что его отвлекли от очень важного занятия, что подтверждалось женским шепотом недалеко от трубки.

– Извините еще раз, Григорий Константинович, – не растерялся Чуб, привыкший сносить недовольство начальства, как легкий укол булавкой. – Но вы бы с меня три шкуры содрали, если бы я не позвонил вам сегодня.

– А если то, что ты мне сейчас скажешь, – полная мура, то я сдеру с тебя четыре шкуры и отправлю в бессрочный отпуск! Ты меня хорошо понял?

– Понял, понял, Григорий Константинович. Сам заявление об уходе напишу, если информация не стоит того, – ответил Чуб и почувствовал какую-то безразличность. У него всякий раз возникало такое чувство, когда приходилось вот так терпеливо, ради перспективы сносить все недостатки характера шефа.

– Ну, выкладывай. У тебя пять минут и ни минутой больше.

– Григорий Константинович, это не телефонный разговор. Очень важная тема.

– Ну наглец ты, Женя, ой наглец. Ты меня разбудил и еще из дому вытащить хочешь?

– Григорий Константинович, кто вас вытаскивать собирается?! Я уже возле вашего подъезда!

– Чуб, Чуб, гильотина по тебе плачет! Давно уволил бы тебя, гада, но, пока работаешь за троих, совести не хватает. Учти, сбавишь обороты – я тебе сегодняшний звонок припомню. Ты меня понял?

– Понял, понял, Григорий Константинович, – с корпоративным подобострастием отвечал Чуб, чувствуя неистребимое желание при встрече со своим шефом поддаться ему с колена под дых за такие любезности в свой адрес.

– Поднимайся тогда, раз сам напросился, – без особого удовольствия прохрипел Мячиков и закричал: – И быстро чтоб. Я долго рассиживаться с тобой не собираюсь!

«Я бы и не рассиживался с тобой, жирная сволочь, – думал Чуб, представляя директорскую тушу в халате. – Только карьера обязывает. Дайте мне волю, завтра тебя, урод, первым же в службу занятости отправил бы».

Лишний раз для пущего спокойствия проверив, поставил ли машину на сигнализацию, Чуб зашел в ярко освещенный подъезд, где все было оформлено в лучших традициях московской буржуазии.

Едва заметно кивнул консьержу и отрывисто отчитался:

– Я к Мячикову.

Чуб считал ниже своего достоинства размениваться на любезности и быть джентльменом в глазах обслуживающего персонала. «Им деньги платят, в том числе и за мое хамство, – любил повторять Чуб, словно требовалось кого-то убеждать в безукоризненной верности своих взглядов. – Пусть и терпят».

Вышел из лифта на восьмом этаже. Потоптавшись немного на месте, что объяснялось тем, что Чуб пришел к шефу домой впервые, он сбросил с себя эту оторопь и уверенно нажал кнопку звонка, перед этим поправив волосы и сделав туже галстук. Чувствовал себя без портфеля в руках как-то несолидно, для еще большей нелепости не хватало в правой руке торта, а в левой – разноцветных воздушных шариков.

Чуб думал, что дверь откроет сам шеф, но на пороге появилась его жена. Он устоял на нее с игривой бесцеремонностью, точно так же, как привык пронизывать наглым взглядом девиц за барной стойкой. Чуб подумал, что было бы неплохо совсем как школьник, с глупым видом дерзкого мальчишки дернуть за поясok ее халатика и тут же увлечь за собой в лифт. Благо собой она была недурна, не хуже тех красоток, что появлялись на обложках глянцевого журналов. Он так и не успел догадаться, разделяет она его энтузиазм или за ее интригующей улыбкой не кроется ничего многообещающего, как на заднем фоне в пестром махровом халате появился Мячиков. Чуб ухмыльнулся, подумав, что, предстань он перед своим шефом в таком виде, если бы тот как-нибудь решил заглянуть к нему в гости, он услышал бы в свой адрес множество «комплиментов», но, встречая шефа в таком виде, он не смел говорить что-либо подобное.

– Чего щеришься? – от взгляда мелких, бегающих глазок Мячикова не укрылась ухмылка Чуба, и он насупил. Следующий взгляд был брошен на жену. – А ты что стоишь? Не видишь – люди пришли. Поставь бутылку коньяка на стол.

– Извините еще раз, Григорий Константинович. Я и вправду поздно. Но есть важное дело.

– Дело, – хмыкнул Мячиков, закрывая за ним дверь. – Это у меня дела, а что у тебя может быть? Небось вляпался куда-то и помощь нужна? Знаю я, какие у тебя дела могут быть!

Он пошел в гостиную и говорил на ходу, подразумевая такой манерой общения, что Чуб должен послушно за ним следовать, словно домашний песик. Гостиная была просторная, с окнами, выходящими на проспект. Мячиков плюхнулся на кожаный диван, взглядом показывая Чубу подвинуть к небольшому круглому столику стул.

– Ну, – нетерпеливо поторопил Мячиков. – Выкладывай.

Чуб, вместо того чтобы говорить, оглянулся на дверной проем и, решительно мотнув головой, поднялся и притворил дверь. Уселся обратно и, мельком взглянув на наполненную рюмку, сказал:

– Извините, Григорий Константинович, я за рулем...

– За рулем не за рулем, раз жена принесла, значит, выпьем. Или ты гордый, что со мной выпить не хочешь?

Чуб не решился высказать свое истинное мнение о Мячикове и молча выпил коньяк.

– Тут есть проблемка небольшая, Григорий Константинович. Она пока небольшая. Я тут виделся с одним человечком...

– Ты короче давай, без вступления, – Мячиков никогда не мог удержаться от того, чтоб не показать свою власть даже дома.

– Короче, этот человечек хочет сунуть нос в дела нашей конторы. Его интересуют подробности, как это мы сплавляем новоделы по реставрационной стоимости. Он хочет все это дело разнюхать, а потом в газете накропать...

– Что за он? Кто такой? – Мячиков сразу насторожился. Взгляд перестал бегать и застыл на Чубе, проверяя его, словно детектор лжи.

– Журналистик один. Задание получил разоблачить империю лжи. Уже, кстати, немало нарыл, говорит, целый список объектов есть, которые мы как будто реставрировали, заручился поддержкой выселенных жильцов и в общем готов брать нас на абордаж. Я лохом прикинулся и говорю, что типа не владею темой, ты мне разъясни. – Чуб, зная Мячикова и его патологическую жадность, решил до конца перед ним не раскрываться, чтобы оставить десять штук себе.

– Ну, ну, а он что? Ты давай, Женя, внеси в разговор больше конкретики.

– Ничего. Говорит, что документы ему нужны, по которым мы все это дело делаем. Вот сейчас, говорит, его интересуют «Хамовники» и хочет, чтобы я раздобыл двойной пакет документов...

– Какой двойной пакет? Он что, с ума сошел?!

Мячиков старался сохранять самообладание, но наблюдательный Чуб заметил, как рука Григория Константиновича нервно тербит пояс халата. «Значит, и вправду что-то есть, – усмехнулся про себя Чуб, с подавленной неприязнью взглядывая на своего шефа. – Темнит просто сволочь, передо мною раскрыться не хочет, как будто я совсем зеленый и ничего не понимаю. Ясное дело, все сейчас с недвижимостью воду мутят. Берутся за реставрацию, счет выставляют приличный, мотивируя сложностью работ, а сами новодел клепают! А те бабки, что остаются бесхозными, по карманам распихиывают».

– Чуб, он бредит. Этот журналист какой-то ненормальный. Какой пакет документов? Мы продаем квартиры, понимаешь!? Продаем квартиры! Мы не строим, Чуб! Чуб, ты слышишь? Мы не строим! Какое это на хрен имеет ко мне отношение?

– Как «какое»? Григорий Константинович, это же тень на репутацию нашей компании! Мы ж вроде как реализовываем проекты «Нового века». Его щемить начнут, и нами тогда займутся. Зачем нам нужна эта шумиха?

Мячиков весь напрягся, словно Чуб, потеряв всякую совесть, оскорбляет его.

– Да ты дурак, Чуб! Самый настоящий олень! Гад безрогий! Ты зачем ко мне с такой хренью пришел? Журналистик какой-то напугал! Репутацию испортит! Что ты бредишь? Какое мне до этого всего дело? Я что, по-твоему, бегать за ним должен и уговаривать? И за всеми, кто в газетах работает? Да пусть кропает свою разоблачительную статью!

Чуб растерялся, словно, поставив все деньги в русскую рулетку, с замиранием сердца следил, как шарик останавливается не на той цифре и с этого момента он может считать себя нищим. «Неужели фуфловая информация? – с растерянностью думал Чуб, глядя на побагровевшего шефа. – Или я чего-то не догоняю?»

Григорий Константинович тем временем орал как сумасшедший, выбрасывая все негодование, накопившееся за день, на примолкшего Чуба, застывшего с самым идиотским выражением лица, которое только может быть. Чуб и вправду не ожидал такого очевидного провала. Он рассчитывал, по меньшей мере, на скупую похвалу, вместо этого он был облит с ног до головы грязью.

– Да ты подонок, Чуб! Урод! Из-за такой лажи разбудил меня! Вытащил с постели, сволочь! Расстроил мне весь сон! Да с тебя не то что четыре шкуры драть надо, с тебя все десять лучше спустить. Чуб, слышишь? Я считаю до трех! Если ты не уберешься из моей квартиры за три секунды, тебе будет капец! Листья хочешь погрести на общественных работах или толчки драить? Хочешь – устрою?

Чуб, оглушенный его криком и перепуганный мыслью, что его карьере в «МосРиэлте» наверняка пришел конец, пятясь задом, как рак, ткнулся спиной в дверь и, не отводя глаз от лица разъяренного Мячикова, потянул ручку вниз. Он не сомневался, что наступил тот момент, когда его карьера висит на волоске, что одно неосторожное слово, возражение или замечание – и Мячиков не только уволит его, но еще запустит вдогонку бутылкой коньяка. Не помня себя от страха, Чуб выскочил в коридор, едва не сбив с ног жену Мячикова, и, судорожно открыв входную дверь, метнулся к спасительным лифтам. На улице он опомнился от страха, доведшего его до беспамятства, и, сев в машину, нервно стал курить сигарету за сигаретой, пытаясь успокоиться. В мрачных красках он рисовал себе начало следующей недели, когда Мячиков в любом случае накажет его за столь неожиданное вторжение из-за какой-то мелочовки. Чуб тщетно пытался найти причину, из-за которой Мячиков так разгневался, как гневался обычно на нерадивых сотрудников и никогда до этого момента на Чуба. Ему было обидно вдвойне: мало того что наорал, так еще и уравнил с другими, унизил и уничтожил.

Долго сидел Чуб в машине и все никак не мог успокоиться, раз за разом прокручивая в голове произошедшее, и только на пятой выкуренной подряд сигарете к нему вернулось самообладание. Мысли неожиданно метнулись совсем в другую сторону – от карьеры к деньгам, которые обещал ему за документы Охотников. Чуб был полностью уверен в том, что Охотников готов все продать, только бы найти деньги и купить эти документы. «Фанатик, – презрительно улыбнулся своему отражению в зеркале Чуб. – Большой человек. Думает, что накропает статейку, которая кардинальным образом изменит его жизнь». Нет, Чуб не из той породы, кто легко отказывается от денег при первой же трудности. У него всегда есть идеи, и он может найти выход из самого безвыходного положения, даже из такого, как сейчас. Пожалуй, с этими десятью штуками расставаться очень неприятно, особенно когда он нашел им достойное применение. Сегодня он решил поехать в клуб. А завтра заняться делом. Трудностей никаких не должно возникнуть.

От злости Чуб резко стартанул с места и стрелой вылетел на проспект, перед капотом едва успели поднять шлагбаум. На Кутузовском он уже поехал спокойнее, крепко сжимая руль и кому-то мстительно улыбаясь.

* * *

После ухода Чуба Мячиков, тяжело дыша, неподвижно сидел на диване, и взгляд его уперся в одну точку, он мог бы даже показаться неживым, если бы не его вздымавшееся брюхо. В гостиную вбежала обеспокоенная жена, решившая, что столь стремительный уход Чуба может возвещать о каких-то неприятностях для супруга. У нее в голове мелькнула страшная мысль, что Чуб – убийца, и потому, увидев мужа живым, она с облегчением бросилась к нему в объятия.

– Гриша, я уже испугалась, думала, что с тобой что-то случилось. Этот тип меня чуть не сшиб с ног.

Мячиков силился что-то ответить, но только тяжело дышал. От бурной вспышки гнева он словно обессилел на мгновение. Руки безвольно лежали вдоль тела, он, грузный, нескладный, казалось, утонул в кожаном диване и на объятия жены откликнулся вяло.

– Что? Что? Гриша? – беспокойно спрашивала жена, заглядывая ему в глаза и стараясь предугадать каждое желание мужа. – Врача? Лекарство?

– Телефон дай мне, дура, – болезненным голосом попросил Мячиков. Когда в его руках очутилась трубка, он прибавил уже громче: – И дай мне стакан воды.

Жена метнулась из гостиной, как хорошо выдрессированная собака.

Мячиков продолжал смотреть перед собой и молча жевал губами, дожидаясь, когда ему принесут воды. Он не привык вести деловые разговоры в присутствии молодой супруги. «Баба есть баба», – считал Мячиков, с некоторым пренебрежением глядя на свою жену, которую он фактически приобрел за деньги. Тем не менее он привык к тому, что она за ним бегала, выполняла все его требования, терпеливо сносила прихоти его характера и выполняла такие трудновыполнимые действия с его весом, как подать трубку, налить стакан воды, поднести что-нибудь, завязать шнурки.

– Гриша, я тебе еще и лекарства принесла на всякий случай. Ты только не нервничай, хорошо? Ты так кричал, что я перепугалась...

– Ладно, иди спать, – милостиво разрешил Мячиков. – За меня не волнуйся. Я в полном порядке и скоро приду. Можешь идти.

Она обернулась еще раз в дверях, посмотрела на него с недоверием, словно заподозрила в обмане, и как будто хотела что-то добавить, но передумала, натолкнувшись на его холодный взгляд. Мячиков сделал два глотка холодной воды, сосчитал до десяти и, все еще ощущая бешеную пляску сердца, позвонил.

– Григорий Валерьевич, простите, ради бога, что так поздно звоню. Неотложное дело. Один журналюга собрался клеветать на «Новый век».

– Клеветать? – сонным голосом переспросил Лялькин. Звонок Мячикова вырвал его из крепкого сна, он еще пребывал в полудреме и не смог быстро сообразить, в чем же дело.

– Да, Григорий Валерьевич.

– Ну, если клевета, то ты разберись, Константиныч. Я не люблю такие дела до судебных дразг доводить. Мне ни к чему портить репутацию холдинга и пиарить мелких сошек.

– Да, Григорий Валерьевич. Я уже принял кое-какие меры, – соврал Мячиков, желая зарекомендовать себя перед шефом как оперативного работника.

– Смотри мне, Константиныч! Решай вопрос аккуратно. Не так, как в прошлый раз. Если узнаешь что-нибудь серьезное, звони не откладывая. Хоть днем, хоть ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.